

INSPIRIA

**ПРИЗРАК
МИССИС
РОЧЕСТЕР**

**СОВРЕМЕННЫЙ
РЕТЕЛЛИНГ
«ДЖЕЙН ЭЙР»**

ЛИНДСИ МАРКОТТ

INSPIRIA

Novel. Готическая гостиная

Линдси Маркотт

Призрак миссис Рочестер

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Маркотт Л.

Призрак миссис Рочестер / Л. Маркотт — «Эксмо»,
2021 — (Novel. Готическая гостиная)

ISBN 978-5-04-191009-9

БЕСТСЕЛЛЕР AMAZON ОТ АВТОРА МЕЖДУНАРОДНЫХ ХИТОВ, ПЕРЕВЕДЕННЫХ НА 11 ЯЗЫКОВ. СОВРЕМЕННЫЙ РЕТЕЛЛИНГ «ДЖЕЙН ЭЙР» В СОЧЕТАНИИ С «РЕБЕККОЙ». АТМОСФЕРА «ГРОЗОВОГО ПЕРЕВАЛА» И «ИСЧЕЗНУВШЕЙ». Из-за него она вынуждена поставить под сомнение все, что знала прежде о любви, верности и... убийствах. Джейн потеряла все: родителей, отношения, работу, даже свой дом. Чтобы не оказаться на улице, она принимает неожиданное предложение от влиятельного бизнесмена Эвана Рочестера — поселиться в коттедже в шикарном поместье «Торнхилл» на берегу океана. А взамен заниматься с его тринадцатилетней дочерью Софией. Джейн не пугает, что Рочестера обвиняют в убийстве его сумасшедшей жены Беатрис. И вскоре девушка попадает под чары своего загадочного и скрытного нанимателя, несмотря на все сплетни и доводы рассудка. Но даже усиливающиеся чувства к Эвану не могут заглушить ее подозрений... особенно по ночам, когда так остро ощущается чье-то незримое присутствие во тьме. Рочестер клялся, что жена сама вошла в бушующие волны океана и утонула, но найденные Джейн улики ставят под сомнение его невиновность... Она полна решимости выяснить правду о той роковой ночи... и о мужчине, в которого так безрассудно влюбилась. «Современная американская Джейн Эйр... Эта переработка готической классики от Маркотт не имеет себе равных». — Kirkus Reviews «Этот творческий подход к готическому роману Шарлотты Бронте содержит отсылки к оригиналу, но отклоняется от него ровно настолько, чтобы создать освежающий новый опыт. Джейн у Маркотт — внушительная главная героиня. Поклонники "Джейн Эйр", которым понравилась "Жена наверху" Рейчел Хокинс, оценят этот не менее приятный ретеллинг Маркотт». — Library Journal «Хитроумное, захватывающее и совершенно неожиданное, Линдси Маркотт представляет книгу "Призрак

миссис Рочестер". Настоятельно рекомендую читателям, которые любят яркую прозу и тайны». — Грегг Олсен, автор мирового бестселлера «Не говори никому» «Готично и элегантно, "Призрак миссис Рочестер" пленил меня с первой страницы и заставил читать всю ночь. Линдси Маркотт создала пленительный пейзаж Биг-Сура, населила его яркими, сложными персонажами и запустила в действие триллер, одновременно ужасающий и эмоциональный. Мне очень понравилось». — Луанн Райс, автор мировых бестселлеров

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-191009-9

© Маркотт Л., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	9
Глава третья	15
Глава четвертая	19
Глава пятая	30
Глава шестая	39
Глава седьмая	47
Глава восьмая	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Линдси Маркотт

Призрак миссис Рочестер

*Тебе я верен был, Синара! По-своему.
Эрнест Доусон, «Non sum qualis eram bonae sub regno Synarae»*

Lindsay Marcott
Mrs. Rochester's Ghost

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Text copyright © 2021 by Lindsay Marcott

All rights reserved

This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency

Cover design by Laywan Kwan

© Осминина А., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2023

Глава первая

Мысленно я вижу все достаточно четко.

Торн Блаффс. Семнадцатое декабря. Их четвертая годовщина свадьбы.

Он одевается к ужину: угольно-черные саржевые¹ брюки, льняная рубашка цвета наползающего тумана. Черный пиджак свободного кроя, подготовленный и отпаренный Аннунциатой час назад, висящий на расстоянии вытянутой руки на специальной мягкой вешалке. Черные шелковые носки. Черные, начищенные до блеска легкие кожаные туфли.

Надеть ли ему галстук? Он его годами не носил, кроме как на какое-нибудь обязательное мероприятие вроде заседания совета директоров, и то изредка. Или на благотворительный вечер, от которого не удавалось отказаться. Или, конечно, на собственную свадьбу, во время которой горло сдавливал темный галстук-бабочка. Но сегодня вечером не должно быть никакого риска. А расстегнутый воротник может ее спровоцировать.

Он выбирает галстук. Серебристо-серый шелк.

Столик у них заказан на пять тридцать в «Сьерра-Мар». Слишком рано, на взгляд местного бомонда, но ранним вечером, после второй таблетки клозапина², она ведет себя спокойнее всего, да и в любом случае плевать он хотел на высший свет. Все уже продумано заранее. Угловой столик на выступающей застекленной веранде, нависающей прямо над Тихим океаном. Меню: пикантный тарт с грушами и луком, угольная рыба с красной икрой и соусом берблан, шоколадный ганаш. Никакого вина, разумеется: коктейли приготовят из лимонада с лавандой.

Ей не придется ничего выбирать. Ничего решать.

И, возможно, они смогут поужинать без происшествий.

Он надевает пиджак и поводит плечами. Застегивает на запястье тяжелые часы отца, «Брайтлинг». Выходя из гардеробной, он слышит лай двух немецких овчарок снаружи – они явно обеспокоены. Чувствуют угрозу.

У них незваные гости?

Он проверяет мониторы камер слежения: ворота, выходящие на частную дорогу, надежно закрыты. Кто-то приплыл в бухту на лодке? Но море здесь настолько свирепо, что только большое судно смогло бы пройти.

Он выходит на террасу, с которой открывается захватывающий дух вид на океан и утесы. Шторм, бушевавший последние несколько дней, поутих, и закат окрасил последние облака в розовый и золотистый оттенки, сияющие на фоне лазурно-голубого неба. В бухте или дальше, в открытом море, никаких лодок не видно.

Он смотрит на пляж.

И вздрагивает.

Она стоит прямо у границы разбивающихся о берег волн. Длинные светлые волосы развеваются на ветру, асимметричный подол легкого светло-голубого платья трепещет, подхваченный ветром. Сейчас она напоминает причудливый морской анемон, ранее живший в каком-нибудь безмятежном тропическом океане.

Она оборачивается к дому. Видит ли она его?

Он кричит ее имя, но ветер уносит его голос.

Она вновь поворачивается к морю. Делает шаг, ступая прямо в морскую пену. Вода бурлит, закручиваясь у лодыжек, подол платья быстро намокает, утягивая воздушный шелк за собой.

---

¹ Саржа – ткань с диагональным плетением нитей.

² Клозапин – антипсихотический препарат, нейролептик.

И тут он срывается с места. Бежит через спальню, вниз по парящей лестнице к главному холлу. Вырвавшись наружу, он не сбавляет темпа: вперед, дальше на мыс, через ворота в заборе из высокого частокола и вниз по пролету расшатанных деревянных ступеней по краю утеса. Он сбегает, перепрыгивая через ступеньки, чувствуя босыми ногами впивающиеся занозы, а сразу за ним скачками спускаются немецкие овчарки.

Оказавшись на полумесяце песчаного пляжа, он чуть не падает, споткнувшись о туфельку. Босоножка на серебристом высоком каблуке, почти до смешного узкая и вытянутая: их ручную делают в Милане на заказ.

Но ее саму он не видит, ни на пляже, ни в воде.

Снова выкрикивает ее имя, а затем наугад кидается в бурлящий поток меж двух валунов. Течение невероятно сильное: его тут же накрывает с головой, а намокшая одежда тянет ко дну. Руки пытаются ухватиться за камни, но ледяная сила грохочущих волн одерживает верх. Ремешок часов за что-то цепляется, и этих секунд, пока он пытается его освободить, достаточно, чтобы поймать вздымавшуюся над ним волну, подтолкнувшую его к берегу, и из последних сил выбраться обратно на песок.

Он лежит, тяжело дыша и откашливаясь. Глаза щиплет от соли и песчаной взвеси, а собаки прыгают на него, озабоченно тыкаясь холодными носами.

Теперь и лицо Гектора нависает над ним, непроницаемое, как всегда. Его поднимают на ноги.

Он вытирает лицо руками, оборачивается в поисках серебристой босоножки. Находит и, дав понюхать собакам, отправляет их на поиски по тонкой полоске пляжа. Но вторую туфельку забрало море.

Как и ее саму. Ее больше нет. Никаких сомнений.

Он больше ничего не может для нее сделать.

Ничего, только известить полицию.

Во всяком случае, вот как я это представляю.

Но, опять же, у меня всегда было богатое воображение.

Глава вторая

Мне стоило это предвидеть. Заккрытие «Карлотты».

Стоило открыть глаза на происходящее гораздо раньше, до всего. Рейтинги неумолимо падали последние два сезона, спонсоры исчезали, точно пар над остывающим чаем.

Но сериал «Темная Карлотта», шедший на небольшом кабельном канале, для которого я писала сценарий, не вписывался в линейку проектов. Стильный, с долей эротики и нотками черной комедии и готики – от него было невозможно оторваться. В качестве декораций – мрачный горный хребет Адирондак середины девятнадцатого века: мстительные привидения доводили новобрачных до жутких самоубийств, вампиры жадно пили кровь из бокалов, вырезанных из хрусталя, точно «Грязный мартини»³, а юные кармелитки были готовы на все, стоило только моргнуть затянутому в кожу сексуальному копателю могил.

Как его могли закрыть?

Я работала над этим шоу с самого начала, как только оно впервые вышло в эфир шесть лет назад, сначала стажером, затем пробившись в команду сценаристов. У меня отлично получалось, и я любила свою работу. Что, возможно, казалось странным, так как сильно «готично» я не выгляжу, с моими-то светло-каштановыми непослушными прядями и прозрачно-серыми глазами, которые обычно выдают все мои настоящие эмоции. И черное я редко ношу – этот цвет делает меня блеклой.

Но меня всегда привлекало все жуткое и злое. В детстве я представляла, что у меня под кроватью живет дружелюбный скелетик, Миссис-Крошечные-Косточки, которая стучала своими косточками с каждым раскатом грома. На Хеллоуин – никаких тиар принцесс. «Я хочу быть мумией!» – настаивала я. И мама, вопреки своему тонкому театральному вкусу, храбро бинтовала меня от шеи до макушки марлей, которую предварительно вымачивала в холодном чае, чтобы она выглядела естественно истлевшей.

Может, эта привычка появилась из-за того, что, когда мне было три года, исчез мой отец. В то время я, конечно, ничего не понимала про смерть и знала только, что сначала у меня был папа, на чьих коленках так удобно было сидеть и качаться и за чьи медные кудри мне так нравилось дергать, а потом его не стало.

– Где папочка? – спрашивала я.

– Милая, с ним произошел несчастный случай.

– Но куда он ушел?

– Солнышко, засыпай. Я оставлю ночник.

Мой отец исчез. А потом в каком-то смысле умерла и мама. Она так и не вышла замуж снова. Каждый соискатель получал от ворот поворот, а всю свою страсть она вложила в творчество, выступая в общественном театре и променяв романтику в реальной жизни на игру на сцене.

Так что да, мне нравилось, когда мертвые возвращались – пусть и в виде громыхающих костей, или монстров в полусгнивших обрывках одежды, или в виде цедащих кровь вампиров.

И да, шоу вроде «Темной Карлотты» было именно тем, что мне нужно.

А потом и оно исчезло из моей жизни.

Одним грозным октябрьским утром главный сценарист, Уэйд О'Коннор, вызвал меня к себе в кабинет. Уэйд был одновременно и моим начальником, и близким другом – красивый мужчина с намечающимся вторым подбородком от привычки тянуть себя в этом месте за кожу, когда он нервничал. Сейчас он дергал за нее как сумасшедший.

---

³ «Грязный мартини» – коктейль на основе водки, сухого вермута и жидкости от консервированных оливок (маслин).

– Плохие новости, Джени. Тебе лучше присесть.

Внутри все похолодело. Еще больше плохих новостей я просто не выдержу. Не сейчас, когда сладкий до тошноты запах цветов с похорон матери еще так свеж в памяти.

– Что случилось?

– Нас закрывают. В конце следующего месяца.

– Закрывают? – Какая-то бессмыслица. Не понимаю.

– Да. Поставят вместо нас какую-то передачу про здоровый образ жизни. Будут рассказывать про шестиминутные кардиотренировки и ягоды, лечащие рак. Что-то вроде того. Прости, что именно мне пришлось быть «вестником беды».

Я уставилась на фото звезд нашего шоу, висящие на стене над головой Уэйда. Идеальные зубы. Густые волосы. Они выглядели похожими друг на друга, будто члены одной семьи. Но мы же и были как семья, верно? Актеры и съемочная группа, одна большая дружная семья.

Ложь!

Мне хотелось сорвать эти скалящиеся лица со стены и разбить их о стол Уэйда, хотелось кричать и переворачивать мебель от ярости. Но я этого не сделала. Вместо этого прибегла к маминому выражению на случай всех бед, от смертельной болезни до потерянного рецепта печенья с тмином:

– Черт, черт, черт.

То было в октябре, а сейчас уже конец мая, и я сижу, скрестив ноги, у окна своей квартиры в Коббл-Хилл, допивая бутылку «Сансерре», открытую бог знает когда, потому что по вкусу уже больше похоже на уксус. На коленях опасно балансирует ноутбук. Я выделила полдень для разбора счетов – точнее, для их мрачного собирания. Стоит холодная мокрая весна, один унылый день следует за другим, и угрюмый дождь за окном в такт барабанит по подоконнику.

Я провела без работы почти восемь месяцев. Подергала за каждую ниточку, постучала в каждую дверь, но за последний год волной прокатились отмены телешоу и увольнения, вызвав наводнение из писателей из шоу помасштабнее, которые стучали в те же самые двери. «Просто продержись до осени, – посоветовал мой агент. – Летом всегда затишье, а потом все снова пойдет в гору».

Но мое выходное пособие закончилось еще в марте. А сбережения, и так немногочисленные, быстро становились плодом воображения. Я просыпалась в три часа ночи от уже привычной подступающей паники. Цена за аренду квартиры была непомерной, даже для Бруклина, и я без конца листала сайты в поисках места подешевле и как сумасшедшая рассылала сообщения всем знакомым. Но варианты были просто отвратительными.

А счета тем временем продолжали приходиться.

Я глотнула еще вина для храбрости и открыла первое сообщение.

«Услуги ухода за больным. \$2,647.19. СЧЕТ ПРОСРОЧЕН».

Черт. Я и забыла об этом. Спустя девять месяцев после того, как мне удалось (пусть и противозаконно, до рассвета) рассеять прах с набережной в Ошен-Сити, счета, которые не покрывала страховка, продолжали приходиться. Я хотела, чтобы за мамой был самый лучший уход. И не жалела об этом. Но теперь неожиданно все снова накатило: ее обеденный уголок, превратившийся в больничную палату; шкафчик с сувенирами, теперь битком набитый пузырьками и шприцами; пишущие мониторы на буфете и бесконечный скрип ботинок на толстой подошве по линолеуму.

Растущий пузырь потери, горя и вины разорвался в груди. Я спрыгнула с подоконника и поплелась на кухню, где перелила остатки вина в бокал. Слишком много алкоголя. Но мне плевать.

Телефон звякнул, и я подняла трубку.

– Так ты жива, – раздался жизнерадостный баритон Отиса Фэрфакса. – А чего на сообщения не отвечаешь?

– Прости, еще не проверяла сегодня почту.

– Ого, судя по голосу, тебе там совсем плохо.

– Ну да, наверное, – вздохнула я. – Льет без остановки, и чувство, будто весна никогда не наступит. То есть настоящая весна, с цветущим кизилом, нарциссами и всем остальным.

– Точно. Это все из-за дождя.

Он меня слишком хорошо знал. Ближе Отиса у меня никого не было. Как младший братик, который постоянно разбивает машины, вылетает с работ, а потом клянется, что в этот раз возьмет себя в руки, и даже если не веришь до конца, то как минимум искренне хочешь поверить. Два года назад он переехал в Калифорнию, где успел поучиться и вылететь из кулинарной школы Саусалито, и несколько месяцев от него не было ни слуху ни духу.

– Где ты? Все готовишь тапас в том кафе?

– Господи, нет. Ушел давным-давно. Управляющий – просто маленький Муссолини. Я сейчас в Биг-Суре, работаю у кузена. У него поместье на побережье, роскошное, виды просто сногшибательные. Называется «Торн Блаффс», и я его личный шеф-повар и вроде помощника по всем вопросам.

– Звучит отлично.

– Так и есть, вот почему я и звоню. Получил от тебя сообщение по почте, что ты ищешь новое жилье, так вот послушай. Тут есть коттедж. Очень милый, никто им не пользуется. Можешь перебраться сюда совершенно бесплатно, на лето, а может, и дольше.

– Погоди, – не поняла я. – В Калифорнии?

– Ага. Знаю, далековато, но тебе подойдет идеально. И платить ничего не нужно. – На заднем плане раздается громкий многоголосый лай. – Погоди, сейчас выпихну собак с кухни. – А потом его голос, в отдалении от трубки, добавил в нестихающим гвалте: – Ну-ка, пошли отсюда! Выметайтесь! – И снова мне: – У нас тут пять собак сейчас, и, конечно, дрессировщиком назначили меня. Так о чем я говорил?

– О бесплатном коттедже с видом на океан. Где подвох?

– Никакого. Никакого подвоха. Кроме того, что Эван – мой кузен – привез дочь из школы на лето. Ей тринадцать, и она в таком возрасте ну, ты понимаешь. Она должна была поехать к бабушке, но та сломала бедро. А мать умерла пару лет назад...

Я глубоко вздохнула.

– Как?

– Она работала на какую-то общественную организацию, поехала в Африку для помощи голодающим и там случайно съела что-то с арахисом. А у нее была смертельная аллергия. Эван до этого момента даже не знал, что у него есть ребенок. Они после той одной ночи не общались.

– Бедная малышка, – пробормотала я.

– Да уж, кошмарные перемены для нее. Но я как раз подумал, что ты можешь помочь, из-за своей мамы, понимаешь? Поговорить с ней и все такое.

– Только поговорить?

– Ну нет, не только. Она будет ходить в летнюю школу, нагонять какие-то предметы, которые завалила, но с концентрацией у нее не очень. Ей нужно дополнительное обучение. Тебе, конечно, заплатят – вдобавок к коттеджу. Неплохая почасовая ставка. Мой кузен не бедствует.

– Но я никогда не занималась репетиторством.

– Ничего сложного. С ней надо позаниматься французским – а ты же на нем говоришь, верно? И чем-то вроде природоведения, а это просто, всего-то надо пролистать учебник.

– Но почему я? Почему не нанять профессионального учителя?

– Эван ненавидит чужих в доме. А я ему сказал, что ты мне как семья, а я в свою очередь для него семья, так что все мы в каком-то смысле родственники.

У меня закружилась голова. Похоже, вино дало о себе знать.

– Так и чем же занимается этот твой кузен?

– Двоюродный кузен, если быть точным. Он предприниматель. Финансирует стартапы, в основном в Силиконовой долине. – И как-то слишком небрежно Отис добавил: – Ты могла о нем слышать. Эвандер Рочестер.

– Тот, который убил свою жену? – пораженно и недоверчиво уточнила я.

– Так ты о нем слышала?

– Вообще-то, Отис, да. Только прошлой весной все СМИ об этом кричали. Его жена была известной моделью. Беатрис Мак-Адамс, верно же?

– Да, но он не убивал ее. Господи! Это же было самоубийство. Она утопилась. У нее была шизофрения или что-то в этом роде. Все знали, что она чокнутая, – так она и разрушила свою модельную карьеру. Вонзила булавку от «Шанель» прямо между глаз какому-то фотографу из Vogue.

У меня вырвался нервный смешок.

– Seriously?

– Ага, и похлеще бывало. К тому же Эван пытался спасти ее, но опоздал. Ее унесло волной. Течение здесь чудовищное. – Тут он натянуто хихикнул. – Слушай, тебе ничего не угрожает, если ты этого боишься. Я бы не стал тебя уговаривать, если б тут могли ночью перерезать горло или что-то вроде того.

– Я даже не знаю. Ты не всегда продумываешь все до конца.

– Но это я хорошенько обдумал. И мне очень, очень хочется, чтобы ты приехала. Поможешь мне тут. Не знаю, как тут справиться в одиночку. Дел по уши, Эвана почти никогда нет, так что нас тут только двое с Софией и еще пара человек прислуги. Я почти как в заключении!

– Почему мне кажется, что ты чего-то недоговариваешь? – помедлив, все же произнесла я.

– Я тебе все рассказал, честное слово. И тебе здесь понравится, обещаю! Мы недалеко от Кармел-бай-зе-Си, тут полным-полно галерей, тебе будет интересно! – Тут его телефон запищал. – Это он, надо бежать. Пришлю тебе фотки! – И он повесил трубку.

Я допила вино. Как похоже на Отиса. Предположить, что я возьму и сорвусь в Калифорнию, будто это веселая поездка за город на автобусе.

Раздался сигнал мессенджера. Две фотографии: на первой – невероятный вид на аквариумные воды бухты, окруженной пастельного цвета утесами, с подписью: «Вид из твоего коттеджа!»

На второй – размытое селфи самого Отиса в белом костюме шеф-повара, размахивающего шумовкой: «А это я на кухне!»

Я действительно скучала по нему. Больше, чем думала. «Как семья».

Снаружи дождь перешел в безрадостную морось, и без того слабый свет начал тускнеть, и в квартире тоже потемнело. Это местечко попало среди первых, когда мне нужно было срочно съезжать от изменщика Джереми, и я сняла его, практически не глядя. Даже если б я могла позволить себе аренду, оставаться здесь не хотелось – слишком много плохих воспоминаний.

Те места, о которых упоминал Отис – Биг-Сур, Кармел-бай-зе-Си, – звучали очень романтично, вызывая в воображении разбивающиеся об утесы волны и звон церковных колоколов в отдалении.

И еще та бедная девочка... Так неожиданно потерять мать. Даже ничего не зная о ней, мне захотелось оказаться рядом.

Может, я смогу ей чем-то помочь. И смогу помочь Отису – для разнообразия выберется на какое-нибудь мероприятие. Новое место. Новая цель в жизни...

Но о чем же он мне недоговорил?

Точно что-то такое было. Никаких сомнений.

Беатрис

Торн Блаффс, 17 декабря

Раннее утро

Женщина с косами расчесывает мне волосы.

Она хочет, чтобы я считала ее доброй, и действует аккуратно, но потом дергает, распутывая узел, и я рычу в ответ, низко, как животное, и она останавливается. Я чувствую, как ее рука крепче сжимает рукоять щетки. Ей бы хотелось сделать мне больнее, это ощутимо, но она не осмеливается.

Может, я однажды ее укусила.

Могу себе вообразить эту картинку: ее квадратную коричневую руку и как я вцепилась в нее зубами, будто в куриное бедрышко, и она зашипела. Зашипела, точно коричневая змея, и попыталась меня заколдовать, но теперь она боится, боится моих острых кошачьих клыков.

Я не знаю наверняка. Мысли путаются, мешаясь с туманом. Но мне нравится эта густая пелена в голове, тогда кажется, будто ты плывешь. Будто ты под водой, но еще можешь дышать.

Слышу, как открывается дверь, и поворачиваю голову. Он там, стоит на пороге спиной к теням. Смотрит, не моргая, своими черными как угли глазами.

Что-то громко говорит женщине с косами. «Аннунциата», – произносит он.

Так ее зовут. И я вспоминаю Деву Марию.

«Это ты, Дева Беатрис», – шепчет в голове голос Марии Магдалины. Аннунциата откладывает щетку, и теперь они что-то обсуждают с моим тюремщиком. Они говорят на ее секретном ведьминском языке, том, что они используют, чтобы плести заговоры против меня.

Я продолжаю улыбаться, беря в руки щетку. Рукоять черная, как его глаза, а щетина сделана из кабаньей шерсти. Запрокидываю голову и провожу щеткой по своим длинным волосам, наблюдая, как они серебрятся на свету.

– Сегодня семнадцатое число, Беатрис. – Теперь он обращается ко мне. – Семнадцатое декабря. Годовщина нашей свадьбы, помнишь?

Я сильнее провожу щеткой по голове. Кабанья шерсть впивается в кожу, точно тысячи крошечных кинжалов.

Да, помню. Я шла к алтарю в белом, как Дева Мария.

Неужели он думал, что я впервые шла к алтарю в белом?

Мне платили по две тысячи долларов в час за проход по подиуму в белом, к алтарю. Я была самой известной, самой красивой. Девственницей в белом подвенечном наряде. Последнее платье, финал.

– Подумал, мы можем поехать сегодня поужинать, – произносит мой тюремщик. – Отпраздновать нашу годовщину. Хочешь?

Мне нравилось красться по подиуму, точно кошка, грациозная и изящная. Иногда они одевали меня в черную кожу и кружево, порой – в меха, что-то пятнистое, вроде леопарда или гепарда, или в полоску, как у тигра, и я кралась туда и обратно по подиуму, этой узкой

дорожке, не зря ее еще называют «кошачьей тропинкой», с размахом виляя бедрами, хищно глядя перед собой. Знаменитая походка Беатрис Мак-Адамс. Но в конце концов, я все равно невеста, Дева. Та, кто носит белое.

В голове раздается шепот Марии Магдалины:

Не забывай про ту юную девушку, Беатрис. Из Санкт-Петербурга. Ту, которую они одели в белое платье в Милане.

Да, я ее помню. Новенькая, ей было шестнадцать лет. Следующая Беатрис Мак-Адамс, говорили они. Но они не знали, что она саблезубый тигр. Умная, она не выдавала себя, никогда не выпускала когти.

Но я все видела. И во время дефиле, заключительного показа в Милане, я видела, как блеснули ее когти – острые-преострые, они разорвали туфли, загибаясь книзу. Я знала, что она собирается броситься на меня, разорвать на куски, и мне было страшно.

И я быстро прыгнула первой.

Один легкий удар задней лапой, и я ее сбила. Услышала ее крик. Вокруг зашумела толпа. Но девчонка бесшумно спрятала когти, чтобы никто не догадался, кто она на самом деле.

А потом уже начались звонки. Фиона из агентства каркала, точно ворона, пугая меня: кар-р, кар-р-р.

– Ты сломала ей нос, – каркала Фиона. – Два зуба выбиты. На нас подадут в суд.

Кар-р, кар-р.

Я отложила телефон, чтобы не слышать этого карканья; мне срочно нужно было мое «лекарство». Я держала его в блестящей коричневой баночке, где раньше хранился чай. «Чайные дневники, – гласила надпись. – Классический органический завтрак».

Я вдохнула немного, набираясь сил для разговора с Фионой.

– Мне были малы туфли, – сказала я. – Слишком узкие, и я споткнулась. Я не виновата.

– Мы в последний раз прикрываем твои выходки, Беатрис. Еще один подобный случай – и тебя выставят. Ты это понимаешь?

– Беатрис, ты меня слушаешь? – вклинивается голос моего тюремщика, острый, точно стекло. Он проходит сквозь меня подобно ножу. – Ты вообще слышала, что я сказал?

Он все еще смотрит на меня с порога своими чернильными глазами.

Думает, я не знаю, что он задумал.

Столько слов крутятся в голове, будто их нашептывают голоса, точно молитвы в церкви на Пасху, когда все скамьи заняты и люди стоят в проходах, а у алтаря лежат лилии.

Лилии. Мне хочется закричать.

Но я веду себя как образцовая узница. Слова крутятся в голове, но я выбираю лишь те, что он хочет услышать.

– Конечно, я тебя слушаю, любимый. С годовщиной тебя.

Глава третья

Я заблудилась. Арендванный «Ниссан» полз сквозь туман, густой словно вата, прозрачно поблескивающий в свете фар, растворяющийся в черноте глухой ночи. Такую темную ночь еще называют «колдовским часом». GPS вырубился еще двадцать минут назад, и других машин я не встречала примерно столько же. Тихий океан шумел в сотнях метров подо мной, и пульс стучал в такт волнам.

Наверное, я проехала поворот на Торн Блаффс – немудрено на таком-то серпантине, Отис предупреждал.

Всего одиннадцать часов назад я, собрав вещи, в последний раз закрыла дверь уже не своей квартиры и села на рейс из аэропорта имени Джона Кеннеди. Сильная турбулентность над Скалистыми горами, третья мини-бутылочка каберне, потом бег через гигантский терминал лос-анджелесского аэропорта в попытке успеть на стыковочный рейс, который, как оказалось, отменили из-за тумана в Монтерее. Я постучала по плечу парня в зеленой толстовке с выпуклым гигантским моллюском:

– Не знаете, когда туман рассеется?

– В это время года туман довольно частое явление, может пропасть через двадцать минут, а может и через шесть часов.

Шесть часов! Меня так и подмывало броситься к стойке и сесть на первый рейс обратно в Нью-Йорк. Но квартиру я уже сдала девушке-фотографу с розовыми волосами, из Голландии, а на банковском счету почти ничего не осталось. Да и друзей всех раскидало по стране.

Вместо этого я развернулась и пошла за фраппучино. Спустила два кофе, ролл с индейкой, а потом еще и «Маргариту» объявили посадку на мой рейс. После очередной болтанки мы наконец сели в Монтерее, а потом я еще долго ждала у стойки аренды машин; теперь стояла полночь, и я заблудилась.

Машина ползла по практически невидимому изгибу дороги. Вдруг из тумана, точно эктоплазма, неожиданно выступил дорожный знак: кабан со страшной мордой и кабанчик за ним. Точно, Отис же говорил, что они часто переходят дорогу, вроде местной достопримечательности.

Да! Я выбросила сжатый кулак в воздух.

А вот и поворот, прогалина в густом подлеске, отмеченная двумя круглыми белыми булыжниками. Я свернула, проехав между ними по изрытой колеями дорожке, и через несколько метров остановилась у высоких металлических ворот. Стоило нажать на кнопку у громкоговорителя, и, точно от «Сезам, откройся!», створки распахнулись.

Я поехала дальше по темному растрескавшемуся асфальту, мимо возвышавшихся по краям черных колонн секвой. Заросли колючего кустарника и папоротника поблескивали между стволов, точно растения из потустороннего мира. Горбатые тени дрожали в листве за ними. Время от времени они хватили капот моей машины скрюченными, как у гоблина, пальцами.

Как в сказке. Сейчас я могла бы ехать к пряничному домику. Или к разрушенному замку, где бродило жаждущее крови чудовище.

Дорога извивалась, точно змея, и когда я уже подумала, что попала под действие какого-то зловещего проклятия, переносившего меня каждый раз в начало пути, лес по краям дороги посветлел и туман начал рассеиваться, открывая взору одно из самых прекрасных строений, которые я когда-либо видела.

Трехэтажный особняк из дерева, стекла и металла с выступающим над океаном верхним этажом – террасой, нависшей прямо над волнами. Фасад мягко освещался грунтовыми светильниками, естественно вписанными в ландшафт.

Я остановилась на подъездной дорожке. Парадная дверь распахнулась, и мне навстречу бросился Отис в каком-то монашеском коричневом одеянии и пижамных штанах.

К окну машины вдруг прижалась жуткая морда: черная, волосатая, с блестящими черными глазами.

– Пилот! Место, мальчик! Место! – Отис дернул собаку за ошейник. Вот тебе и чудовище – черный нестриженный пудель. Он вырвался из рук и умчался в темноту. – Прости, он еще щенок. Недавно взяли. София привезла его вчера.

Пошатываясь от усталости, я выбралась из машины, и Отис сжал меня в медвежьем объятии:

– Черт, Джени, как же я рад тебя видеть, ты даже не представляешь!

– И я рада. – Так рада, что глаза застилают слезы. – Ты совсем не изменился! – Он и правда по-прежнему выглядит как улыбающееся солнышко на упаковке с готовым завтраком: круглое лицо, светлые волосы лучиками торчат в разные стороны, голубые глаза-пуговицы прячутся за золотистыми очками.

– Да и ты не изменилась. Разве что слишком похудела. Ну ничего, на воздухе аппетит быстро вернется. Он очень бодрит.

– Да, я заметила. – Поплотнее запахиваюсь в легкий кардиган. – Какой роскошный дом!

– Еще бы, скажи? Знаешь архитектора Джаспера Маллоя?

– Конечно, великий архитектор середины прошлого века. Это он спроектировал дом?

– Да, для себя в 1962 году. И умер здесь же двенадцать лет спустя. Ходили слухи, что в поместье обитает его призрак, поэтому долгое время оно стояло заброшенным. Когда Эван купил его, тут были практически развалины. – Открыв заднюю дверь (у этого «Ниссана» она поднималась вверх), Отис выудил мой чемодан. – Хотя, вероятно, настоящая причина в том, что стиль Маллоя вышел из моды. Но сейчас его считают гением и провидцем, а все его здания признаны шедеврами. «Архитектурный дайджест» умирал от желания сделать репортаж, но Эван отказал. Ни за что, говорит. Обещает спустить собак, если они объявятся.

– Он здесь? Мистер Рочестер?

– Эв? Не-е, как всегда, в отъезде. А София спит. Во всяком случае, мне так кажется. Сложно сказать, музыка у нее гремит сутки напролет. Но ты же наверняка очень устала! Давай отведем тебя в твой новый дом. – Он вытащил ручку моего чемодана. – Оставь ключи в машине, я утром переставлю.

Я подхватила дорожную сумку и пошла за ним к ведущим вниз деревянным ступеням. Океан теперь шумел так, будто находился всего в нескольких сантиметрах под ногами. Ступеньки все покрылись мхом, и я крепко держалась за перила. Все мысли о роскоши, появившиеся у меня при виде главного дома, разбились о небольшой коттедж у подножия ступенек. Некрашенный деревянный домик в зарослях дикого кустарника. Остроконечная деревянная крыша. Остатки дымохода. Выцветшая табличка над дверью.

– Что тут написано?

– Коттедж «Магритт»⁴. В сороковых годах тут было поселение живописцев. Десять коттеджей получили имена в честь известных художников, но все сгорели, кроме этого.

Отис толкнул дверь. Торшер освещал одну большую комнату с неприятной обстановкой: простая потускневшая мебель в деревенском стиле, почерневший от времени камин, облицованный кирпичом. Над каминной полкой висело потемневшее зеркало в золоченой раме, а большую часть деревянного пола закрывал обтрепавшийся плетеный ковер. Напротив каминки виднелись стеклянные, слегка перекосившиеся раздвижные двери.

– Днем все выглядит лучше! – Отис явно переживал.

---

⁴ *Рене Магритт* (1898–1967) – бельгийский художник-сюрреалист. Одни из самых известных его картин – «Сын человеческий» и «Влюбленные».

– Тут мило. Уютно, – успокоила его я, бросая свою поклажу на кровать с пушистым покрывалом и пологом на четырех столбиках. – Напоминает детский лагерь, только двухэтажных кроватей не хватает.

– Тут все сохранилось как было, только стеклянные двери появились позже – Маллой захотел вид на океан. А мебель досталась от родителей Эвана. Они были археологами, в основном ездили в Южную Америку.

– А сейчас они на пенсии?

– Если можно назвать пенсией смерть. Они разбились в самолете, когда Эван учился в Стэнфорде.

– О. – Глаза искали, на чем бы остановиться, и заметили на прикроватной тумбочке торчащий в разные стороны букетик полевых цветов в стакане. – Милый букетик.

– София собрала. Беспокоилась, что, пока ты приедешь, они уже завянут. Полевые цветы долго не стоят.

– Очень мило с ее стороны.

– Она может быть милой. Иногда. – Отис поправил очки на носу. – Итак... смотри, за раздвижными дверьми тут кухонька, в холодильнике я оставил тебе кое-что на завтрак. Сеть тут есть, но не так чтобы отличная, с мобильным еще хуже. Если совсем отрубится, а тебе очень нужно – можешь пойти к главному дому, там стоит усилитель. А, и кстати, воду можно пить из-под крана, она из колодца, вкуснющая.

Я кивнула, сдерживая зевок.

– Еще у тебя есть собственная терраса, и оттуда вид на бухту, как я тебе отправлял.

Я смерила взглядом стеклянные двери.

– А занавески?

– Могу найти какие-нибудь, если хочешь. Но там снаружи ничего особенного.

Подойдя ближе, я всмотрелась в темноту. Слышался шум прибоя, но самих волн не было видно.

– Так это здесь случилось? Беатрис Мак-Адамс утопилась в этой бухте?

– Ага. В прошлом декабре. В вечернем платье. С ума сойти, да?

Вечернее платье и высокие каблуки. Помню, как меня зацепила эта деталь, когда об этом без конца кричали в СМИ.

– Ну, – Отис хлопнул в ладони, – падай, отдыхай. Кровать вполне удобная, сам проверял. – Он покачивался с пятки на носок в тапочках, как делал всегда. – Я очень рад, что ты здесь, Джени, правда. Ты сделала правильный выбор. Вот увидишь.

Пока что на правильный выбор похоже не было, но я выдавила улыбку.

– Я по тебе очень скучала, О.

– И я тоже. Как сумасшедший. Но теперь мы снова рядом, прикрываем друг другу спины. Присматриваем друг за другом – как когда работали вместе в «Клоуне», да?

– Еще бы.

Мы снова обнялись, и Отис ушел. Вскоре его шаги стихли в отдалении. Какой одинокий звук.

Я вытащила телефон: всего одна полоска, и та, мигнув, исчезла, точно потухшая свеча.

Наверху кухонного шкафа стоял черный стационарный телефон, и никакого тебе гудка в трубке.

Да и кому мне звонить в это время?

Сумка с туалетными принадлежностями отправилась в простенькую ванную. Натужно закрываю кран, выплонул по очереди порции ледяной воды и кипятка.

Отерев лицо от дорожной пыли и почистив зубы, я устало дотащилась до комнаты и начала распаковывать вещи. От миниатюрного, встроенного в стену с отшелушивающимися обоями шкафа для одежды пахло как в доме пожилой незамужней тетюшки и еще пылью.

Ящики заело, и я с трудом выдернула верхний. Он был забит журналами мод: Harper's Bazaar, Marie Claire и другими.

Я открыла один, Vanity Fair от две тысячи тринадцатого года, на страничке с загнутым уголком. Реклама Lancôme во всю страницу: Беатрис Мак-Адамс на вершине своей карьеры. Изысканное серебристое существо с зелеными, подернутыми дымкой глазами.

Похоже, все журналы в ящике с загнутыми уголками. Я пролистала еще несколько до отмеченных страниц: на каждой – фотография Беатрис на пике славы.

Журналы отправились кучей на пол. Уложив вместо них свое белье, шорты и топы, я наконец стянула мятые дорожные вещи и переделалась в пижаму – тонкую белую рубашку, купленную специально для, как я думала, мягких калифорнийских ночей. Она чувственно облегла колени, и я мельком увидела отражение в позолоченном зеркале над камином: невысокая бледная девушка в полупрозрачной ночной рубашке.

Не красавица. Просто «довольно милая».

Мне неожиданно захотелось нежного прикосновения.

Чувство удивило меня. Уже год, как я заперла эту часть себя глубоко внутри. Так почему же сейчас, в измотанном состоянии, в странной новой обстановке, так далеко от всего, что я считала домом, меня неожиданно охватило желание? Я подошла ближе к зеркалу, уже крапчато от старости, будто его темные глубины могли подсказать ответ.

В отражении за мной что-то шевельнулось.

Я так и подпрыгнула на месте.

Прямо за стеклянными дверьми парила чья-то фигура. Туманная, белесая. Бестелесная. Сердце забилось как сумасшедшее.

– Мама?.. – невольно вырвалось у меня.

Кто бы или что бы то ни было, оно отступило в темноту.

Пару мгновений я стояла неподвижно. А затем решительно повернулась и пошла к дверям. Прижалась к стеклу, прикрывшись ладонями от света, но снаружи только лунный свет мерцал между ветвей дерева, покачивающегося на ветру. У меня вырвался смешок. Как это похоже на меня – представить вместо лунного света призрак мамы.

Отперев дверь, я дернула створку, туго поехавшую по неровному пазу, и вышла в прохладную ночь.

Черная гладь с белыми, будто светящимися гребешками волн тянулась, докуда хватало глаз. Едва заметный абрис утесов виднелся слева, с растущим у самого обрыва кипарисом, напоминающим силуэт сумасшедшей с разметавшимися волосами.

Прибой шумел так, что теперь скорее напоминал канонаду. Выстрелы пушек звучали один за другим. Артиллерия не умолкала.

И вдруг по коже побежали мурашки.

Такие мурашки расползаются от шеи и по всей макушке, когда за тобой кто-то наблюдает.

Я шмыгнула обратно в дом, дернула за стеклянную дверь и заперла ее на задвижку. Затем проверила входную дверь: там была замочная скважина из тех, в форме черепа, что делали для больших старомодных ключей.

Но ключа у меня не было. Внутри начала подниматься паника.

Прекрати! Сама себя пугаешь! Это все усталость. И дезориентирующий эффект от новой обстановки.

Просто надо поспать.

Я забралась в кровать, наслаждаясь свежестью белья, и укрылась пледом. Снова вспомнила о призрачной фигуре в зеркале, и в голову закралась другая мысль. Безумная женщина в вечернем платье.

Беатрис.

А затем меня утянуло в сон.

Глава четвертая

Проснулась я в сказке невиданной красоты. За стеклянными дверьми дымчатой синевой до самого горизонта тянулось море, окруженное всполохами лилового, охристого и темно-зеленого – отвесными утесами. Над водой скользили пеликаны. Колибри мелькнула у стекла, искрясь рубиновыми и изумрудными красками, и исчезла.

Ничего призрачного. Никаких тебе гоблинов.

Я посмотрела на часы: 10:58 утра!

Пришлось вытаскивать себя из кровати, и прямо под контрастный душ. Помывшись зеленым, похожим на маринад мылом с краешка ванной, я натянула первые попавшиеся вещи – канареечно-желтую хлопковую рубашку и белые брюки-капри. В кухоньке я нашла упаковку свежей кустовой фасоли, апельсиновый сок и домашние клюквенные кексы. А еще Отис помнил, что вместо сахара я предпочитаю мед.

Приготовив себе кофе в помятой кофемашине, я взяла исходящую паром чашку и маффин на террасу. Кирпич местами раскрошился и осыпался, но позавтракала я, сидя на ступеньках, ведущих дальше в поместье.

В отдалении жужжала электропила, двое мужчин что-то кричали друг другу на языке, напоминающем испанский, если на нем говорить под водой. Время от времени откуда-то снизу доносился лай собак. Меня накрыло чувством невероятного комфорта.

Раздался звук эсэмэс.

«Тебя еще не убили?»

Я широко улыбнулась. Уэйд О'Коннор. Сейчас он преподавал в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса, попутно подыскивая себе подработку сценаристом.

«Еще нет. Мистер Р. даже не здесь», – ответила я.

«Они поселили тебя на зловещем чердаке?»

«Не-а. Деревенский коттедж с офигенным видом. Я в раю!!»

«М-да? Не ешь отравленные яблоки. Отвратительная смерть. Муа-ха-ха».

«Постараюсь изо всех сил».

Собаки внизу вдруг разлаялись, как сумасшедшие. Поднявшись, я подошла к краю террасы, но даже на цыпочках не сумела разглядеть пляж.

Я посмотрела в морскую даль. Из воды ближе к горизонту выступали скалы, одна из них особенно впечатляющая: черная, блестящая и зазубренная. Она напоминала разрушенный шпиль затонувшего готического собора.

А правее, на мысе пониже к северу от меня, виднелось еще кое-что готическое. Верхушка невысокой башни зубчатой макушкой возвышалась над деревьями. Что это может быть? Интересно...

Снова пикнуло сообщение. На этот раз Отис.

«Ну как, очухалась?»

«Ага. Скоро буду».

Поставив посуду в мини-раковину, я отправилась вверх по заросшим мхом ступеням к особняку. Отис во дворе разгружал свою старенькую «Тойоту», доставая из багажника сумки с продуктами.

– Эгей, – поздоровался он. – Хорошо спала?

– Слишком хорошо. Только встала. Ты прав, О, вид невероятный.

– А я говорил.

– Что случилось с собаками?

– На пляж вынесло мертвую тигровую акулу. Нужно позвонить, чтобы ее поскорее увезли, а то вонь доберется и сюда. – Набрал в руки пакетов, он двинулся к дому. – Слушай, у меня к тебе большая просьба, можешь попозже забрать Софию? У нее теннис по утрам, она заканчивает в два часа дня.

– Конечно, буду рада помочь. – Моего «Ниссана» нигде не было видно. – А где моя машина?

– Я отправил Гектора – он тут садовник – отвезти ее обратно. У нас тут есть свободная машина, можешь пользоваться.

– Но я уже заплатила за месяц.

– Я им позвонил, они возьмут плату только за неделю.

У меня появилось чувство, что вокруг меня смыкается ловушка.

– Отис, надо было сначала спросить меня.

– Я подумал, ты обрадуешься. Не надо тратить на аренду, верно же? И, поверь, другая машина тебе понравится больше. – Он направился к боковому входу в дом. Мы поднялись по широкому крыльцу, которое как раз чистила высокая худощавая женщина с длинными седыми косами. Сколько ей, интересно? Пятьдесят? Шестьдесят? Непонятно... Коричневая, как орех, кожа, и лицо такое, будто вырезано из очень твердого тропического дерева.

– Ола, Аннунциата! – прокричал Отис. – Это Джейн. Она поживет в коттедже.

– Рада познакомиться, Аннунциата, – улыбнулась я.

Женщина окинула меня свирепым взглядом, а затем с остервенением продолжила выметать пол.

Следом за Отисом я прошла в кухню: вот это да, светлая, из известняка, с облицовкой, без единого пятнышка и с очередным умопомрачительным видом из окна.

– Аннунциата глуховата, – объяснил Отис. – У нее есть слуховой аппарат, новейшая модель, Эван купил, но она не пользуется. Говорит, эти аппараты улавливают голоса призраков. И я ей верю.

– Я ей не очень-то понравилась.

– Тут не поймешь. Она замужем за Гектором – я упоминал, он садовник, – и он точно такой же. Они служили у родителей Эвана в Гондурасе, и ни один из них не любит чужаков. Может, они нелегальные иммигранты. Никогда не спрашивал.

– А кто еще здесь работает?

– Постоянно – только я и Сандовалы. Остальные временные работники. – Он поставил сумки на разделочный стол. – Раньше их было гораздо больше. Парень, служивший кем-то вроде дворецкого, но называвший себя управляющим поместья. Две постоянные горничные, шеф-повар, который был до меня. И у Эвана с Беатрис были личные ассистенты. Дворецкий и шеф-повар жили в гостевом доме за гаражом, но когда начались проблемы с деньгами, их уволили. – Порывшись в ящике, Отис вытащил пульт дистанционного управления. – Так, смотри, вот этот открывает ворота и гараж. Первая кнопка – ворота, остальные три – двери гаража. В третьем отсеке стоит голубая «Ауди», будешь пользоваться ею.

– Понятно, спасибо. – Я взяла пульт.

– Брелок с ключами должен быть на сиденье. Вбей в GPS «Теннисный клуб „Кармела“». Лучше выезжай пораньше, тут полным-полно туристов.

– Может, прямо сейчас и поеду. Или тебе надо с чем-нибудь помочь?

– Нет, поезжай, отличная идея, как раз осмотришься. А, и сегодня ты ужинаешь со мной и Софией, раз наш хозяин и господин в отъезде.

– Отлично. – Я уже повернулась к выходу, как вдруг вспомнила: – Отис, кстати, мне еще нужен ключ от двери коттеджа.

– А я разве тебе не оставил? У кровати?

– Нет.

– Мне казалось, оставлял. Попробую поискать другой. Погоди, давай сначала покажу, где вы с Софией будете заниматься.

Отис провел меня к центру дома: парящей лестнице из дерева пепельного оттенка, по которой мы и спустились.

– Этот этаж совсем новый, – объяснил Отис. – Тут спортзал и кинозал. Еще пара спален. В одной живут Сандовалы – у них есть и свой дом по другую сторону шоссе, но иногда один из них остается здесь, например когда я в отъезде.

– Так ты тут не пленник?

Он бросил на меня озадаченный взгляд, затем открыл раздвижные двери:

– А здесь Морская комната, где вы и будете заниматься.

Комната оказалась просторной, с более традиционной мебелью, чем в комнатах наверху. Колеблющийся свет лился из двух окон от пола до потолка, и по стенам будто катились волны.

– Очень мило, – оценила я.

– Любимая комната Беатрис. Она проводила здесь много времени, качалась в том шезлонге. – Мягкий шезлонг, обитый белой тканью, стоял немного по диагонали от стены. – Эван сюда больше не заходит.

– А он не будет против, что мы ее займем?

– Нет. Наоборот, порадует, что вы не будете мешаться под ногами.

Довольно бесчувственно. Даже если он сам убил Беатрис.

Особенно если убил.

Вернувшись к себе в коттедж, я переделалась из шлепанцев в босоножки и, подхватив сумку, направилась к гаражу – зданию на девять машин, соединенному с главным домом крытым переходом. Понажимав на разные кнопки на пульте, я наконец добилась того, чтобы открылась центральная секция.

– Ого, – выдохнула я.

«Ауди» – купе сапфиново-синего цвета с белым салоном – втиснулась между «Тойотой Лэнд-Крузер» и «Мерседесом Смарт». В пригороде Джерси, где я выросла, страсть к машинам впитывалась с воздухом, а здесь стояло восемь самых роскошных моделей, включая «Теслу S» на зарядке. Я восхищенно подошла к «Ауди» и скользнула за руль, с удовольствием устроившись на роскошной сливочной коже. Прикосновение к кнопке включения – и двигатель чувственно замурчал.

Дорога вдоль побережья, где я накануне думала, что заблудилась, сегодня прекрасно ложилась под колеса. Океан мелькал сбоку, то появляясь, то исчезая из виду, а иногда ближе к востоку виднелись и покрытые снегом горные вершины. Стоило легонько нажать на педаль газа – и вот я уже без усилий влилась в поток машин на шоссе.

Через двадцать две минуты показался поворот на Кармел-бай-зе-Си, очаровательный городок, словно с открытки. Выбеленная брусчатка на узких улочках, свисающие с подоконников герани самых разных цветов, пешеходы, высыпающие из переулков, фотографирующие все подряд одной рукой и размахивающие мороженым в другой. Мне повезло найти парковочное место и присоединиться к гуляющим – и потратить двадцать семь долларов за кобб-салат тут же в кафе.

Все казалось каким-то нереальным. Герани. Мороженое. Солнце в дымке – все это лишь усиливало сказочность атмосферы.

В четверть второго я вернулась к «Ауди», и GPS привел меня к теннисному клубу – низенькому зданию в тени платанов, с корой, похожей на форму морской пехоты. Парковка оказалась забита, и мне пришлось сделать круг, пока я наконец не заметила отъезжающий «Рэндж-Ровер» цвета синий металлик. Я остановилась, пропуская его.

Но водитель, женщина, неожиданно ударила по тормозам. Как странно, подумала я. Достаточно же места.

Но она продолжала ехать задом, а затем вывернула руль и снова затормозила, прямо рядом со мной. Слепящее солнце мешало разглядеть водителя, но я заметила светлые серебристые волосы и точеные черты лица. Глаза скрывали темные непрозрачные очки.

В окно со стороны пассажирского сиденья постучали, и я подпрыгнула от неожиданности. Довольно высокая загорелая девочка плюхнулась на сиденье.

– Привет, – поздоровалась она.

«Рэндж-Ровер» неожиданно резко стартовал с места.

Проводив его удивленным взглядом, я обернулась к своей пассажирке:

– Привет... София? Я Джейн.

– Да, я знаю, Отис сказал. – Она перегнулась через сиденье, бросив назад ракетку и ярко-оранжевую спортивную сумку.

– Спасибо большое за цветы, такие красивые – очень мило с твоей стороны.

– Да пожалуйста. – Она поерзала. – Как так вышло, что тебе дали ее машину?

– Чью машину?

– Беатрис. Она совсем с катушек слетала, стоило только посмотреть на нее.

Машина Беатрис!

От резкого плакающего звука я снова вздрогнула.

– Пристегни ремень, – попросила я. С таким видом, будто делая мне одолжение, в котором она не видела смысла, София протянула ремень через плечо, поправила короткие шортики и выудила упаковку жвачки из заднего кармана.

Забросив две пластинки в рот и пожевав, она произнесла:

– Я тебя по-другому представляла.

– Да? Как? – вырulingивая с парковки, поинтересовалась я.

– Не знаю. Просто по-другому. – Как-то она странно говорит. Нечеткая речь. Над верхней губой, красивой формы, точно лук, блестели капельки пота.

Она тоже явно не похожа на брошенного ребенка, какой я ее представляла. Лицо в форме сердечка, пурпурные тени для глаз, фиолетовая тушь для ресниц, лилово-коричневый блеск для губ. Шапка рыжих волос, которые не мешало бы помыть. Оранжевый облегающий топик и шорты, по размеру больше напоминающие нижнее белье.

Девочка выдула пузырь из жвачки и лопнула его.

– Отис сказал, ты раньше работала на ТВ-шоу.

– Да, верно. Шоу называлось «Темная Карлотта».

– Никогда не слышала.

– Оно шло по каналу AXI целых шесть лет – пока его не сняли с эфира.

– Фигово. – Выплюнув жвачку обратно в обертку, она скатала в шарик и бросила под ноги, а потом рыгнула.

Я уловила явный тошнотворный запах «Бурбона».

– Ты что, пила?

– Нет.

– Врать ни к чему. Я чувствую запах.

Она только дернула плечом в ответ.

– Ты вообще ходила на теннис?

– Да.

– И?

– Мы закончили рано, потому что у тренера, Марианны, что-то вроде фибромиомы и у нее бывают сильные спазмы. Так что ей пришлось поехать к гинекологу. А я пошла поболтать с Джошем, барменом.

– И он наливает тебе выпить?

– Я выпила всего-то пол-«Манхэттена». Ничего особенного. – Еще дерганье плечом.

– Похоже, очень даже чего, – заметила я.

Вдруг в зеркале заднего вида что-то мелькнуло. За нами следовала машина: внедорожник цвета синий металлик. Возможно, «Рэндж-Ровер». Я сбросила скорость, проверить, обгонит он или нет. Он тоже сбросил скорость, вися на хвосте.

У меня мелькнула дикая мысль: за мной гналась Беатрис Мак-Адамс.

София неожиданно издала булькающий звук, как закипающая овсянка. Свернув на обочину, я остановилась.

– Открой окно. Дыши.

София высунулась наружу, глотая свежий воздух, и снова скрючилась на сиденье.

– Лучше?

Она слегка кивнула. Я вернулась на шоссе, непроизвольно поглядывая в зеркало в поисках внедорожника, но он исчез.

Неужели я правда подумала, что это была Беатрис? Мое детское желание, чтобы мертвецы возвращались. Просто смешно.

Обратно я ехала так быстро, как только осмелилась, осторожно свернув на закрытую дорогу к Торн Блаффсу, проходя повороты по возможности аккуратно. Я остановилась перед главным входом и помогла Софии выбраться, поддерживая ее за плечи.

– Где твоя комната? – уточнила я, заводя ее внутрь.

– Дальше по коридору.

Я провела ее дальше, мимо лестницы в центре холла. Девочка, покачнувшись, дотянулась до ручки и зашла. Кое-как доплелась до кровати и рухнула. Я вошла следом. Ну и беспорядок: пришлось пробираться через архипелаги нижнего белья, валяющегося вперемешку со спортивными носками, лужи какой-то ароматизированной массы, пакеты бренда Tokidoki и рассыпавшиеся по полу женские тампоны для спорта. Еще я заметила старомодную золотую зажигалку «Зиппо» и пустой аквариум.

Ванная оказалась комнате под стать. Найдя стакан, который не выглядел как рассадник норовируса, я налила в него воды и принесла ей.

– Держи, выпей. Хотя бы несколько глотков. Тебе станет лучше.

Она отвернулась к стене.

– Ты расскажешь папе?

– Нет.

София вдруг повернулась ко мне, взглянула прищурившись, оценивающе.

– Но если ты не остановишься, он сам узнает.

– Откуда тебе знать? Его тут вообще не бывает. Ты его даже не видела.

– Это правда. Но в чем я уверена, так это в том, что когда-то я тоже была в твоём возрасте.

И что где-то в этом свинарнике спрятан косячок. Или бутылка чего-нибудь. Или и то и другое. А еще сигареты. И если ты хочешь скрыть, что пила, напиток хуже «Бурбона» и не придумаешь. Любой учует по запаху за километр. Водка куда лучше.

Она снова украдкой бросила на меня взгляд.

– Я просто оставлю стакан здесь. Но поверь, будешь чувствовать себя гораздо лучше, если восстановишь баланс воды в организме.

Закрыв дверь за собой, я услышала шорох. А потом легкий звон, когда стакан подняли с его места.

Ура! Может, я все-таки смогу ей чем-то помочь.

– Как думаешь, может, пойти проведать ее?

– Да не. – Отис водрузил на стол супницу: чоппино⁵ из свежих морепродуктов, ароматно пахнущий анисом и орегано. – Я понял, что лучше просто дать ей поспать.

– Так это не первый раз?

– Нет, пару раз уже случалось. Аннунциата любит ром и как-то оставила бутылку здесь, а Соф нашла. Ну и еще, может, после тенниса было. Но иногда она бывает очень милой. Я надеялся, что сначала ты увидишь эту сторону.

Мы устроились в укромном уголке кухни с видом на океан. Все пять собак кружили вокруг, умоляюще заглядывая нам в глаза. Я наконец разобралась, кто есть кто: пудель по имени Пилот, потом Джулиус, толстый бульдог. Гермiona, помесь терьера с дворняжкой, потеряла лапку в лисьем капкане браконьера и теперь ходила с протезом. Еще была пара немецких овчарок, брат и сестра, Минни и Микки, и они до сих пор настороженно присматривались ко мне.

– Кстати, – вспомнила я, – почему ты мне не сказал, что это машина Беатрис?

– «Ауди»-то? И что? Отличная машина, разве нет? И стоит без дела.

– Было как-то жутковато ее вести.

– Не думай об этом.

– Это непростая задачка. Пожалуйста, О, просто спрашивай, прежде чем принимать решения за меня, ладно?

– Ладно, ладно. Буду. – Он положил нам по порции чоппино.

Я неожиданно почувствовала сильный голод и быстро проглотила первые пару ложек.

– А я и не знала, что София вообще была знакома с Беатрис.

– Ага. Соф впервые приехала сюда месяц спустя после смерти матери. Из того, что я знаю, – это Беатрис захотела отправить ее в школу-пансион.

– Та самая злая мачеха?

– Та самая шизанутая мачеха. Эх, слишком много орегано, – попробовав суп, проворчал он.

– Мне кажется, великолепно. Очень вкусно. – Я жадно проглотила еще пару ложек. – А что это за средневековая башня торчит вон там? Ее видно из коттеджа.

– А, это. Старая мастерская Джаспера Маллоя. Мини-копия башни его предков из Ирландии. Там, кстати, его и нашли, мертвым. Когда он работал за столом над чертежами. Тело обнаружили только спустя несколько недель, к тому моменту до него уже добрались дикие звери и процессы гниения.

Я отложила ложку, и Отис широко усмехнулся.

– Сейчас это просто склад. Эван запрещает туда заходить, хотя на мой счет может не беспокоиться – у меня мурашки, даже если близко подойти.

– Что, боишься привидения Маллоя?

– Чьего-то привидения.

– Слушай... Отис... – помедлив, начала я. – Ты уверен, ну, то есть совсем уверен, что твой кузен невиновен?

– Эван-то?

– Да. Как думаешь, он мог убить Беатрис?

Отис отвел взгляд.

– Нет. То есть хладнокровно – нет. Но он иногда выходит из себя. Становится просто безумен. Так что под влиянием момента, если она его довела... – Он покачал головой. – Но он не убивал, пойми. Это журналоги все нагнетают. Они так просто не отцепятся. Ему аж уехать пришлось на несколько месяцев.

---

⁵ *Чоппино* – итало-американское блюдо родом из Сан-Франциско. Представляет собой тушеную рыбу, рыбный суп или рыбное стью.

– Seriously? И куда же он поехал?

– В свой дом в Сан-Франциско – роскошный викторианский особняк на Русской горке. И вернулся только в мае. Теперь ему пришлось сдать особняк в аренду из-за проблем с деньгами. Но послушай, – изменившимся серьезным тоном продолжил Отис, – просто забудь, ладно?

Вряд ли я могла просто так взять и забыть. Пришлось использовать другую тактику.

– Сегодня у теннисного клуба случилось кое-что странное. Кто-то будто бы узнал «Ауди» и стал меня преследовать. Женщина за рулем «Рэндж-Ровера», цвет синий металлик. Может, подруга Беатрис?

– У нее не было друзей. Есть брат. Полный придурок. Но, кажется, он ездит на спортивной тачке.

– Это точно была женщина. Может, тот, кто работал здесь?

– Постоянно здесь находятся только Сандовалы, но у них грузовичок, и в любом случае Аннунциата машину не водит. Тут побывало полным-полно людей, но я бы и не узнал – запоминать марки машин точно не мое.

– Блондинка, волосы такого серебристого оттенка. – У меня вырвался нервный смешок. – Мне даже пришла в голову совсем сумасбродная мысль. Полная чушь. Но что, если это все-таки была сама Беатрис?

– Восстала из мертвых? И проезжала на «Рэндж-Ровере» у теннисного клуба?

– Знаю, знаю. Я, наверное, просто выдумываю истории в голове. Но скажи, странное дело, да? Я имею в виду всю ситуацию.

– Да нет же, я ведь сказал, – горячо возразил он. – У нее совсем крыша поехала. И она покончила с собой. Конец.

– Вот только в качестве доказательства – слово мужа. И ты говорил, что тело так и не нашли.

Отис отложил ложку.

– Слушай, Джени. Не лезь в дела Эвана, серьезно тебя предупреждаю. Это не шутка.

– Что, я тогда тоже исчезну?

– Ладно, ладно, не буду.

Какое-то время мы молчали, но затем принялись вспоминать о тех деньках, когда мы жили в Нью-Йорке. Смеялись до упада над случаями в баре, в котором тогда вместе работали. Напряжение ушло. Запив чоппино охлажденным «Монтраше» («Допиваю бутылки за Эваном», – пояснил Отис), мы приступили к десерту – только что приготовленному тарту с маскарпоне и инжиром.

Отис не дал мне помочь убратся:

– Ну правда, мне нравится делать так, как я привык. Но если хочешь помочь, можешь выгулять Пилота. Он гиперактивен, даже для пуделя.

– Его бы не помешало подстричь, – заметила я. – А Джулиус чихает. Когда его в последний раз возили к ветеринару?

– Ни разу с тех пор, как я тут работаю. Почему бы тебе не заняться собаками? Этим ты меня очень выручишь.

– Всеми сразу? – Я нерешительно взглянула на Минни. Овчарка смотрела так, что меня порывало дернуться в сторону. – И овчарками?

– Ты же теперь своя. Они тебя примут. – Отис выглянул в окно. – Там уже туман, не забудь фонарик. У служебного выхода лежат какие-то. И возьми там же куртку, тут резко холодает.

Свистнув Пилота, который подбежал вприпрыжку, я выбрала фонарик и подхватила с вешалки стеганую куртку, в которой тут же утонула, но другие меньше не казались.

Туман надвигался, точно парламентар, размахивающий белым флагом, а на небе играла в прятки луна. Быстрым шагом я шла по асфальтовой дорожке, Пилот несся впереди, выписывая восьмерки. Мы прошли напрямик к шоссе, дорога пошла под уклон, и я сместилась к гравийной

обочине. В тумане мелькнули фары, затем пропали. Уклон все не кончался. Пилот ринулся вперед и исчез из виду за поворотом.

– Пилот! – В ответ донесся лай, но его самого видно не было. Я пошла быстрее и оказалась в центре густого облака: туман собрался в ложбине. – Пилот! – снова крикнула я. – Где ты?

Лишь восторженное повизгивание в ответ. Будто от собаки-призрака. С другой стороны донесся рев мотоцикла, эхом разносясь в тумане. Сквозь укрывшее меня облако я все же заметила бегущего прямо по дороге пуделя.

– Пилот, ну-ка назад! – закричала я.

Мотоцикл появился на повороте по ближнему радиусу, свет фары едва пробивался сквозь туман. Пилот вдруг залаял как безумный, и фара резко дернулась. Пудель бросился с дороги в кусты, и сразу же раздался ужасающий визг шин, гравий брызнул в разные стороны. Затем вскрик.

С ужасом я увидела, как мотоцикл с водителем рухнул на обочину.

Я подбежала к нему: мужчина в черной кожаной куртке и джинсах в нелепой позе лежал рядом с мотоциклом. По крайней мере, живой – он слегка шевельнулся, а потом со стоном приподнялся на локтях.

– Как вы? – Я посветила на него фонариком.

Он повернулся ко мне:

– Вы кто, черт возьми, такая?

– Просто человек, – быстро ответила я.

Мужчина сдернул защитные очки.

– Да ради бога, я имел в виду, кто вы? И что тут делаете?

– Гуляю.

– Что за лунатик выходит на прогулку в такой туман?

– Тот же, что в такой туман ездит с такой скоростью.

– Вы это называете скоростью? Господи. – Он осторожно перевел себя в сидячее положение и на пробу вытянул ноги в тяжелых ботинках. Стащил шлем с копны черных кудрей и потряс головой. Черная с проседью недельная щетина неряшливо торчала в разные стороны, а выдающийся нос на более добродушном лице можно было бы назвать величественным.

– Какого дьявола что-то выскочило прямо из-под колес? Что это было?

– Собака.

– Собака?

– Обычный пудель. Только нестриженный.

– Черт. – Он снова надел шлем, затем выудил из кармана куртки телефон и, прищурившись, всмотрелся в экран. – Ничего... – пробормотал он.

– Сотовая связь тут вроде кота Шредингера. Мне сходить за помощью? Я доберусь до дома минут за двадцать.

– Двадцать минут, – фыркнул мужчина. – Байк водить умеете?

– Байк? – В голове мелькнуло смутное воспоминание, как я карабкаюсь на старый велосипед.

– Мотоцикл, – пояснил он.

Я бросила взгляд на его транспорт. «Харлей-Дэвидсон», черная громадина хромированного металла.

– Могу попробовать. Как-то летом я проехала на «Веспе» через всю Умбрию.

– На «Веспе». Господь всемогущий и его архангелы... – Он махнул рукой. – Помогите мне встать.

Я нерешительно приблизилась. Мужчина был ростом за метр девяносто и крепко сложен – раза в два тяжелее меня.

– Не уверена, что смогу поднять вас за руку.

– Да, вряд ли. Наклонитесь.

Ну и грубиян! Я наклонилась, и он обхватил меня за шею, перенося часть веса. У меня задрожали колени, но я устояла. Мужчина начал подниматься, слегка заваливаясь набок, но затем выровнялся и встал прямо. Я внезапно остро ощутила физическую близость его тела, сильную руку, обхватившую меня, прижавшееся ко мне плечо и напрягшиеся мускулы груди. Будто догадавшись, он отстранился и встал на обе ноги.

– Ну хотя бы наступать на ногу вы можете, – заметила я. – Хороший знак.

– Вы что, врач?

– Нет.

– Тогда ваше мнение сейчас вряд ли имеет значение.

Как мне хотелось послать его ко всем чертям! Но из-за тумана и влаги я шмыгала носом, и казалось нелепым гнусавить колкости в ответ. Я незаметно вытерла его рукавом куртки.

Мужчина прохромал к своему мотоциклу.

– Эта штукавина должна брать повороты. Я, черт возьми, только поэтому его и купил! – Он от души пнул сиденье и тут же взвыл: – Сукин сын! – И запрыгал на одной ноге, тряся кулаком, будто кто-то на небесах имел на него зуб и все подстроил.

Я рассмеялась, и мужчина тут же обернулся ко мне. Смешок так и застыл в горле. Яростный взгляд вызвал волну мурашек, и я сделала шаг назад. В тот миг я почувствовала, что он мог бы убить меня без малейших угрызений совести и оставить тело на съедение койотам и рысям, как тело Джаспера Маллоя в той башне.

Но он, к моему удивлению, усмехнулся:

– Вы правы. Я выгляжу полным ослом.

Неожиданно из кустов выскочил Пилот.

– Ваша собачонка?

– Да. Хотя на самом деле не моя, она недавно появилась.

Он уставился на меня, и в темных, глубоко посаженных глазах появилось осознание. Я заставила себя посмотреть в ответ. Уже собиралась представиться, но он снова надвинул защитные очки и наклонился к мотоциклу.

– Помогите поднять его. Хватайтесь за руль. Вы тяните, а я подтолкну.

– Он слишком тяжелый.

– Тяжесть беру на себя. Просто делайте, что сможете.

Из чистого упрямства я не шевельнулась.

– Пожалуйста, – добавил он, но таким тоном, что прозвучало как ругательство.

Я неохотно шагнула вперед и обеими руками ухватила за руль. Потянула на себя, а мужчина, крикнув, поднял свою часть. Мотоцикл медленно встал ровно.

– Держите его, – велел он.

По ощущениям я держала несколько тонн – и требовались все силы до капли, чтобы не уронить их, пока он садился. Мужчина ухватился за руль, нажал на сцепление, ругаясь от боли, с силой давя на педаль. Бросил на меня быстрый взгляд, а затем, взметнув брызги гравия, «Харлей» с ревом унесся в клубы тумана.

– Пожалуйста, мистер Рочестер! – крикнула я вслед, в сгущающийся мрак.

Беатрис

Торн Блаффс, 17 декабря

Утро

Время принимать яд. Мой тюремщик снова пришел, сжимая в кулаке пузырек.

– Готова принять лекарство, Беатрис? – Теперь он выглядит как пират. Пиратские черные кудри, черные глаза и черные джинсы с рваными краями.

Яд бывает то зеленым, то желтым, а иногда он цвета могильной пыли. В подземелье мне его вводили в виде жидкости, засунув трубку в горло. Яд должен удерживать меня его пленницей.

Вспоминаю подземелье – «Дубрава», так оно называлось. Он отвез меня туда на своей машине без мотора, той, которую он заставлял двигаться только силой мысли. Он сказал, что я натворила что-то ужасное и он оставит меня там взаперти.

«Лили, – шепчут все голоса одновременно. – Ты убила девчонку по имени Лили».

Слышу, как гудит телефон моего тюремщика. Нахмурившись, он смотрит на экран и начинает стучать, набирая слова. Клик-клик-клик-клик.

Когда он отвез меня в «Дубраву», то мило спросил: «Разве не очаровательная комната, Беатрис? Такая светлая, тебе не кажется? И вид прекрасный».

Но он не мог меня обмануть. Я видела, что это подземелье. И никакого вида там не было. Никаких окон. Только видеозкраны с решетками, а за металлическими прутьями – картинки грязных холмов с деревьями, напоминавшими темно-зеленые зонтики.

Можно было переключить канал и посмотреть, что там на самом деле. Цементные блоки подземелья.

Но я хорошо скрывалась и не трогала каналы – они так и показывали холмы и деревья-зонтики.

Надсмотрщица в подземелье была очень толстой, с обвисшими щеками и подушками жира спереди и сзади. Она чувяла мой страх, приходя ко мне с пузырьком яда – «шприц для оральных инъекций», так она его называла. «Не о чем беспокоиться, Беатрис», – говорила она, выдавливая яд мне под язык.

Но я чувствовала, как яд растекается по телу, превращая кровь в темно-зеленую жидкость, как те деревья. И я тоже становилась толстой, как и надсмотрщица, и все время хотела спать.

А потом вернулся мой тюремщик и привез меня сюда, где теперь держит пленницей. Пока не найдет способ избавиться от меня насовсем.

Он хочет избавиться от тебя сегодня, – шипит Мария Магдалина. – Помешай ему, Беатрис. У тебя есть план.

– Прости, Беат, – слышится голос моего тюремщика, заглушая Марию. Он убирает телефон обратно и вытряхивает яд из флакона на ладонь. – Готова?

Сегодня яд желтый, трупного цвета. Особенно сильный. Чтобы я не сопротивлялась, когда он придет за мной.

Но я образцовая пленница: открываю рот, и он кладет таблетку трупного цвета мне на язык.

– Вот твоя содовая. – Он передает мне бокал, и я глотаю, а потом открываю рот, показать, что таблетки нет.

– Хорошо. – Он улыбается. – Я забронировал столик в «Сьерра-Мар» на сегодня, на пять тридцать. Тебе захочется нарядиться – Отис уже вызвал твоего визажиста.

Я склоняю голову в знак согласия.

– Ты будешь великолепно выглядеть, Беатрис. Как и всегда. А, и кстати, София прислала поздравительную открытку. Она приедет через несколько дней. – Он показывает мне телефон. – Воздушные шарики.

Внутри экрана падают и падают пузырьки. Фиолетовые, розовые и зеленые – в точности как яд, бурлящий внутри меня.

– Убери это! – визжу я, и пилюля выскальзывает из-под языка и проваливается в горло. Начинаю кашлять, подавившись, и тюремщик вновь передает мне кубок с питьем.

– Выпей еще, Беат. – Я снова пью, и таблетка проскальзывает в горло.

– А теперь отдыхай. Я зайду позже. – И он уходит.

Яд, Беатрис, – звучит резкий голос Марии. – Ты должна его выплюнуть. Быстро!

Я спешно иду в ванную, где становлюсь на колени перед биде. Засовываю два пальца как можно глубже в горло, и все выходит наружу – и газировка, и остатки завтрака, и гной и грязь от яда, который уже начал действовать. Вытаскиваю желтую таблетку. Мой тюремщик умен, во всех раковинах и трубах он установил ловушки и проверяет воду по семь раз в день. Я нажимаю на слив и, зажав таблетку в руке, иду в гардеробную. Открываю шкаф с обувью, нажимаю кнопку, и туфли начинают крутиться на подставках. Останавливаю их и выбираю одну из них. Нежно-розовая лодочка с высокой стеклянной шпилькой. Носок острый, и я прячу таблетку поглубже. Там даже мой тюремщик ее никогда не найдет.

Глава пятая

Когда я добралась до коттеджа, меня слегка потряхивало и я замерзла – прямо как хороший мартини, мелькнула мысль. Вот только первоклассные мартини не трясли, а взбалтывали, и мне неожиданно захотелось выпить.

От резкого звука я дернулась. Звонил старый телефон – тот, который не работал. Я опасно уставилась на него: настойчивый звон не прекращался, и какое бы привидение ни звонило, отказов оно не принимало. Пришлось взять трубку.

– Он вернулся, – сообщил Отис.

– Я думала, телефон не работает.

– Кабель истерся, включается и выключается сам. Если он работает и нажать звездочку – позвонишь сюда на параллельный телефон. Так или иначе, Эван вернулся. Попал в аварию по дороге – мотоцикл повело на неутрамбованном гравии.

– Знаю, я видела. Сначала не узнала его. – Но Отис не слушал.

– Ему повезло, что шею не сломал. Хочет тебя увидеть. Не надо никак наряжаться или что-то делать, просто приходи поскорее. Он терпеть не может, когда его заставляют ждать. – И Отис повесил трубку.

Я нажала звездочку, чтобы ему перезвонить, но телефон снова отключился.

А что, если Рочестер винил в своем падении меня?

Ну и что? Что он мог мне сделать? Не убить же на глазах у Отиса.

Я натянула сухие вещи, провела расческой по мокрым волосам и, убедившись, что нос больше не течет, направилась сквозь туман к главному дому.

Когда я зашла с черного входа, Отис был на кухне, снимал фольгу с бутылки шампанского «Кристалл».

– Ты как раз вовремя, можешь отнести ему это, – кивнул он, открывая бутылку. – Эван в зале, сразу за лестницей, двойные двери. Услышишь музыку – иди на звук.

Я взяла бутылку.

– И как мне к нему обращаться?

– Эван, как и большинство. Он ненавидит имя Эвандер.

Я отправилась в глубь холла, вслед за нежным голосом Лорин Хилл и ее Killing Me Softly. Одна из моих любимых песен. Меня вдруг накрыло негодованием, будто он не имел права тоже ее слушать.

Помедлив на пороге зала, я представила его сидящим у тлеющего камина, думающим о вывихнутой лодыжке. Что ж, будь что будет. Распрямив плечи, я быстрым шагом вошла в комнату.

Высокие потолки, полностью стеклянная стена, открывающая вид на океан. Современная мебель, изысканные вытканые ковры. Абстрактные картины, яркими пятнами выделяющиеся на белых стенах. Камин действительно был – большой каменный очаг в дальнем углу зала, но Эвандер Рочестер не сидел напротив него, баюкая раненую ногу. Вместо этого он спокойно стоял на обеих ногах у щедро заставленного блюдами кофейного столика, и если он и раздумывал о чем-то, так это выбрать ребрышки ягненка или кусок похожего на кружево сыра. Немецкие овчарки застыли как изваяния по обе стороны у его ног.

Он обернулся на звук.

– Вина и музыки просил я – крепче и громче, чем вчера⁶.

Я удивленно уставилась на него. Это что, цитата?

---

⁶ I cried for madder music and emphasiser wine – цитата из стихотворения Э. Доусона Non Sum Qualis Eram Bonae, Sub Regno Cynarae.

Он шевельнул пальцами, призывая отдать ему бутылку, и я передала мужчине шампанское.

– Хотите? – предложил он, махнув бутылкой.

Я помедлила. Он вообще помнит, что мы уже виделись сегодня?

– Почему бы нет. Спасибо.

Наполнив большой, похожий на чашу бокал, он передал его мне, и я сделала глоток на пробу. Великолепный напиток, свежий, прохладный; пузырьки сразу защекотали нос.

Он благодушно махнул рукой в сторону блюд.

– Угощайтесь. Фэрфакс превосходный повар.

– Я знаю, но уже поела, спасибо.

– Как хотите. – Мистер Рочестер выбрал холодные ребрышки, и собаки заскулили от нетерпения. Он скормил по ребрышку овчаркам, сначала то ли Микки, то ли Минни. Затем сам обгрыз свое и бросил косточку, но не через плечо в камин, как я почти ожидала, а обратно на тарелку, и вальяжно откинулся на спинку одного из диванов, стоящих напротив друг друга.

– Ну, не стойте там. Садитесь.

Я замерла неподвижно.

– Да бога ради! Пожалуйста, садитесь. И можем мы, пожа-алуйста, пропустить эти любезности? Мне нравится говорить все как есть, и я жду того же от всех.

Очень сомневаюсь – во всяком случае, во второй части. Но в любом случае было как-то неловко стоять, возвышаясь над ним, когда он сидел. Я опустила на ближайший стул.

Мужчина окинул меня внимательным взглядом непроницаемых черных глаз.

– Так вы все-таки настоящая.

Получается, он меня узнал.

– А вы сомневались?

– Должен признать, уверен не был. То, как вы появились из тумана, вы и ваше призрачное животное. Будто от какого-то непонятного заклинания. И, конечно, я только что упал и ударился головой, так что не мог ясно мыслить.

– Самой себе я кажусь вполне реальной, если это поможет.

– Не особо. – Он не отводил взгляда.

– Как ваша лодыжка? – рискнула спросить я. – Не сломана, не... ничего страшного?

– Чертовски болит. Так что, если хотите еще продлить себе жизнь за мой счет, валяйте, смейтесь.

Я подавила смешок.

– Нет, спасибо, обойдусь. Но почему бы вам не снять эти ботинки, почувствуете себя лучше.

Мистер Рочестер бросил взгляд на ноги, будто они упрямо жили своей жизнью и самостоятельно облекли себя в плотную кожу. Он сел и принялся стягивать левый ботинок, морщась от боли.

– Погодите, давайте помогу. – Я поднялась и направилась к нему.

– Не подходите!

Собаки зарычали.

Вздвигнув, я опустила обратно на свое место, чувствуя, как от злости быстрее забился пульс. И что же, по его мнению, я собиралась сделать?

Он стащил ботинок с левой ноги, затем с правой и снова развалился на диванных подушках, для разнообразия переведя взгляд на меня.

Смотреть в ответ уже было легче. На свету он казался еще красивее, чем в темноте: искусственное освещение подчеркивало линию его лба и неопрятную бороду. Он снял кожаную куртку в стиле молодого Брандо и теперь сидел в белой футболке с кармашком на груди и небольшой прорехой на плече, напоминая того же Брандо из «Трамвая „Желание“». В голове

мелькнула картинка, как он запрокидывает голову и кричит: «Стелла-а-а!» Пришлось подавить еще смешок.

– И как вам здесь, нравится? – заговорил хозяин дома.

– Очень. Здесь невероятно красиво.

– Та хижина вам подходит? Вы же не ожидали ничего изысканного?

– Нет. То есть я не знала, чего ожидать. Но коттедж очень удобный и просто очаровательный.

– Это просто лачуга.

Вновь повисло молчание. Теперь тишину нарушала лишь Эми Уайнхаус и ее Will You Still Love Me Tomorrow, с низким и несколько зловещим барабаном, звучащим как стук сердца.

Я огляделась в поисках какого-нибудь напоминания о Беатрис в этой комнате. Фотографии или журнала Harper's Bazaar. Чего угодно, доказывающего, что она вообще существовала. Но ничего не было.

– Вы не из Теннесси, верно? – отрывисто спросил мистер Рочестер.

– Нет. Почему вы так решили? – И тут меня осенило: – Это Отис сказал, что я оттуда?

– Он сказал, что вы выросли в одном районе в Мемфисе.

Я его задушу.

– Нет. Мы встретились в Нью-Йорке около восьми лет назад, в клубе под названием «Клаун-Лаунж». Оба работали там барменами.

– «Клаун-Лаунж»? – с искоркой интереса переспросил он.

– Весьма отталкивающее место. Полно наркотиков, иногда драки. Владелец был злобным пьяницей и постоянно воровал наши чаевые. Не знаю, зачем Отису было говорить что-то другое.

– Несложно догадаться, что Фэрфакс обожает приврать. – Мужчина закинул руки за голову, и из-под рукава футболки показалась татуировка, лентой охватывающая бицепс левой руки. Слова, написанные на каком-то странном языке – санскрит? Непонятно. – Так расскажите мне что-нибудь о себе, что все же соответствует действительности.

В голове неожиданно стало пусто; в жизни будто никогда ничего не происходило, один ничем не примечательный день следовал за другим.

– Откуда вы на самом деле? – подсказал он.

– Из Лоувуда, Нью-Джерси.

– Богатый район пригорода?

– Господи, нет.

– Мрачный рабочий городок?

– Не совсем. Скажем так, поэтические песни Спрингстина о Нью-Джерси там вряд ли бы оценили.

– У вас осталось там много знакомых? Большая семья? – мельком улыбнувшись, продолжал задавать вопросы он.

– Нет, никого. И близких родственников тоже не осталось.

– Так вы бедная сиротка? – Слова резали не хуже ножа. – Мы все здесь сироты, – коротко добавил мужчина. – Так или иначе.

И что он хочет этим сказать?

– Вероятно, у меня еще есть тетя. Тетя Джоанна.

– Вероятно?

– Она сбежала, когда мне было три года. С тех пор никто не хотел о ней говорить, я даже не помню, как она выглядит, но по какой-то причине долгое время представляла ее гигантской лягушкой.

– Лягушкой? – Снова тот же легкий интерес в голосе.

Нас прерывал звон посуды – это Отис шел с нагруженным подносом и расставлял на кофейном столике остатки инжирного тарта, графин, чашечки для эспрессо и шкатулку с сигарами из эбенового дерева. Рочестер протянул руку к тарту, выудил инжир и с удовольствием съел:

– Неплохо.

– В самом тесте капелька «Шамбора», – сообщил Отис. – Джейн уже два куска съела.

Я прожгла его взглядом.

– Что, только один «Черчилль» остался? – откинув крышку шкатулки, удивился Рочестер.

– Тебе повезло, что вообще сигары остались – твои гости тут их как конфетки смели.

– А почему ты их не остановил?

– Эм-м... потому что, судя по их виду, они вполне могли поставлять кому-нибудь оружие?

Рочестер от души рассмеялся, и от этих эмоций будто все его лицо изменилось, черты смягчились, и, глядя в эти умные темные глаза, я вдруг поняла, почему в него могла влюбиться такая красавица, как Беатрис.

Отис начал собирать грязную посуду на поднос:

– Чего-нибудь еще нужно?

– Нет, нам всего хватает.

Отис бросил на меня быстрый взгляд, подхватил поднос и поспешно вышел. Рочестер налил две чашечки эспрессо и подтолкнул одну ко мне через стол, а себе вытащил сигару. Снял красно-золотую ленточку и обрезал кончик.

– Вы когда-нибудь пробовали кубинские сигары?

– Я? Никогда не курила. Во всяком случае, табак. Может, только парочку ментоловых на вечеринках.

– Хотите попробовать? – В глазах читался насмешливый вызов.

– Почему бы нет?

Я взяла протянутую сигару и зажала в зубах: она казалась огромной, не то что тонкие ментоловые сигареты. Рочестер толкнул мне зажигалку через стол: старинный золотой «Данхилл». Щелкнув и подержав пламя у сигары, я глубоко вдохнула. Рот наполнился чем-то на вкус напоминающим жженую грязь, я инстинктивно вдохнула глубже и подавилась терпким дымом, раздражавшим горло.

«Не вдыхай. Не глотай», – велела себе я, изо всех сил стараясь не раскашляться, хотя глаза уже слезились от усилий. А затем вдруг горло перестало чесаться, в голове пьяняще зашумело, хотя и непонятно, от табака или от торжества.

Я выпустила дым изо рта, Рочестер посмотрел на меня изумленно и в то же время уважительно и снова шевельнул рукой, требуя вернуть сигару. Затем затянулся и щелкнул пультом, выключая музыку. Шум прибора тут же стал заметнее.

– Что не так с моей дочерью? – наконец спросил он. Я настороженно смотрела на него, ожидая продолжения. – Зайдя в дом, я заглянул к ней – а она будто после пятидневного запоя вернулась. Это вы забирали ее после тенниса, вот я и спрашиваю: что с ней не так?

– Об этом вам нужно поговорить с ней.

– Естественно, я так и сделал. Она сказала, что у нее кишечный грипп. Чуть собачья. На ней пахать можно. С девчонкой творится черт знает что, – нахмурился он. – Одевается как мексиканская проститутка и красится так же. Ее школа обходится в целое состояние, а она едва наскребает проходные баллы. Господи! Ей только тринадцать исполнилась, а она уже пьет – я знаю об этом. Фэрфакс пытался прикрыть ее, но я не идиот.

– София очень юна, и она только что потеряла мать... – Я тщательно подбираю слова. – Неудивительно, что она несколько вызывающе себя ведет.

- Вот как вы это называете? Вызывающе себя ведет?
- Я никак это не называю. Мы с ней провели вместе едва ли час.
- Но у вас же должно было сложиться впечатление.
- Ничего такого, чем я считала бы нужным поделиться.
- Послушайте. Я не ожидал, что она придет сейчас. У меня непростой период и заниматься непослушным ребенком времени совсем нет.
- Этот, как вы говорите, «ребенок», – ответила я, с трудом контролируя голос, – ваша дочь.
- А что я знаю о том, как быть родителем? Год назад я даже не знал о ее существовании. Отвращение во взгляде мне скрыть уже не удалось.
- Ладно, – признал он, – не надо было так говорить. Не поймите меня неправильно, я хочу все сделать как полагается. Но прямо сейчас я в критической ситуации: мне пришлось сократить персонал, перенести офис, и я буду проводить здесь гораздо больше времени. И, признаться честно, знай я об этом заранее, вас бы здесь не было.
- Я вскочила на ноги:
- Если вы дадите мне день, я найду другое место и уеду.
- Да бога ради! Сядьте.
- Я не останусь там, где меня не желают видеть.
- Он раздраженно фыркнул, всем видом выражая недовольство.
- Фэрфакс был прав, Софии нужен репетитор, но что куда важнее – ей нужен кто-то, с кем она сможет общаться и кому доверять. Я спросил, как вы ей. Она сказала, сносно.
- Не удержавшись, я рассмеялась.
- Довольно экстравагантная похвала от тринадцатилетнего подростка.
- Мой собеседник тоже слегка улыбнулся.
- Просто не путайтесь под ногами, идет? И не выходите за территорию, там слишком дикие места. Я не смогу нести за вас ответственность. Пляжа это тоже касается. Ясно?
- Не путаться под ногами и не бродить по лесу. Думаю, я поняла.
- И никаких посетителей и постов в соцсетях обо мне, Софии или ком-либо отсюда. Одно фото в сети – и вы уедете.
- Я и не собиралась.
- В таком случае мы друг друга поняли. Хорошо. – Он поднялся на ноги, и я встала следом. Рочестер протянул мне руку: – Добро пожаловать в Торн Блаффс, Джейн.
- Так он все-таки знал, как меня зовут. А я была готова поставить кругленькую сумму против этого.
- Я пожалала протянутую руку, и теплые сухие пальцы крепко сжали мою ладонь. Что-то вздрогнуло внутри, как от электрического разряда. Но тут его телефон завибрировал.
- Доброй ночи, – пожелал он и отвернулся, нажимая на кнопки.
- Выйдя из комнаты, я направилась обратно на кухню. Отис поспешно отложил самокрутку:
- Ну, как все прошло?
- Какого черта ты ему сказал, что мы выросли вместе?!
- О. Вот дерьмо. Не думал, что это выплывет.
- Выплыло. И рано или поздно обязательно бы выяснилось. Боже мой, Отис! О чем ты только думал?
- Решил, что, может, тогда он станет лучше к тебе относиться. Ну, знаешь, если б мы с детства были знакомы. А потом, когда ты уже окажешься здесь, я думал, он тебя и не заметит. Но все же хорошо? Он не выгнал тебя или что-то в этом роде?
- Пока нет. Но если что, не удивлюсь. Но вряд ли стоит ждать, пока он решит меня выгнать. Лучше мне поискать другое место на лето.

– Нет-нет, я все решу! – В голосе Отиса послышались лихорадочные нотки. – Скажу ему, что это я во всем виноват. Тебе не придется уезжать, обещаю!

– Прости, Отис, но я больше не могу верить ни единому твоему слову. – И не дожидаясь, пока неизбежно смягчусь и передумаю при виде его расстроенного лица, я выскочила из дома.

В коттедже я взволнованно проиграла в голове беседу в зале. Какой странный человек. Заносчивый, грубый. Пороховая бочка, а не характер. В том, что он способен на насилие, я практически не сомневалась.

Но на убийство?

Вероятно. Ну или, по крайней мере, довести жену до отчаянной меры в виде самоубийства он мог. Ее отсутствие уж точно не повлияло на его аппетит.

Мне вспомнилась та искра, пронзившая меня, электрический разряд или что угодно, когда Эван Рочестер коснулся моей руки. Что, черт возьми, это было?

А потом меня начало трясти. Даже хуже: будто тело хотело вырваться из кожи. Затем произошло нечто еще более странное, хотя и не совсем знакомое. Перед глазами все начало расплываться, и у одного глаза взорвалась крошечная желтая звездочка, за которой последовали гораздо большие, и вскоре я видела только ядовито-оранжевые всполохи, зигзагами танцующие перед глазами. Мигрень.

Технически не настоящая мигрень – не жуткая головная боль. Такое называлось визуальной мигренью, но все равно – странная штука, вызывающая галлюцинации и мучительно дезориентирующая. Эти взрывающиеся звезды перед глазами. Зигзаги ярких цветов.

У мамы такое тоже было. Она называла их посланиями с других планет. Что ж, инопланетяне, похоже, пытались передать мне очень срочное сообщение:

«Идиотка. Ты. Просто. Идиотка. Неужели история с Джереми ничему тебя не научила?»

Я упала на кровать и крепко зажмурилась, но зигзаги и сверхновые продолжали плясать прямо под закрытыми веками. Теперь мне привиделся и сам Джереми Кэпшоу. Мужчина, в которого я была влюблена. По уши, до безумия влюблена. Какая яркая картинка: художник, такой поэтически-стройный, в заляпанных краской джинсах, за работой над одним из своих бурых холстов, которые, как я думала, отражают что-то темное и волнительное в его душе.

Взорвалась еще одна звезда, показывая мне лицо Холли Берген. Моей лучшей подруги. Незабываемо прекрасной, с густыми волосами, каштановыми с земляничной искоркой, гибким телом танцовщицы. Доброй ко всем людям и животным. Вспоминаю, как мы жили в той обшарпанной квартирке в Вильямсбурге, где лифт вел себя как плохой пес и редко откликался и где тараканы были настолько наглыми, что им не помешал бы поводок. Морозный День святого Валентина, когда древний котел отопления наконец испустил дух, и мы обе жались у плиты, закутавшись в куртки, и Холли читала по линиям на моей ладони.

«Ого, дорогая! Да у тебя самая длинная линия любви из тех, что я видела! Это значит, что ты найдешь вечную любовь. – Я даже сейчас слышу ее немного безумный смех, когда она показывала мне свою ладонь: – Не то что у меня – обрубленное нечто!»

Кадры памяти замелькали дальше, как при перемотке. Теперь я жила с Джереми в его лофте в Бушвике, лежала на футоне после долгих занятий любовью. Зазвонил телефон, и чей-то чужой голос сообщил, что звонят из больницы Нью-Мерси в Лоувуде.

Помню, как я бросилась туда и меня встретил измотанный молодой хирург с черными кругами под глазами. Рентген показал огромную опухоль, напоминающую смертоносного паука, в правом легком моей матери.

Мама подняла на меня полные ужаса глаза: «Солнышко, я хочу домой. И пообещай, что больше никогда не заставишь меня сюда вернуться». Я пообещала.

Мигрень все нарастала. Ленты в виде молний лились потоком, одна за другой. Я прижала ладонь к глазам, но они не исчезали, принося с собой лишь больше воспоминаний.

Теперь я проводила все выходные в Нью-Джерси, ухаживая за мамой. Джереми был таким понимающим, и я любила его за это все сильнее. Как-то мягким теплым днем в марте, когда маме стало немного полегче, я успела на ранний воскресный поезд в Нью-Йорк. Хотела проскользнуть в квартиру и устроить ему сюрприз, пока он не проснулся.

«Идиотка. Ты. Идиотка», – продолжали писать инопланетяне на обратной стороне век.

Тогда я открыла дверь и замерла на пороге, увидев на кухне две фигуры. Одну обнаженную, в одних боксерах, а другую – в золотисто-фиолетовом кимоно, которое я привезла из Киото. Боксеры прижимались к спине кимоно, обнимая, и кимоно извивалось, как ящерица. Потом последовала шутовская борьба.

И вот уже Холли бежала за мной: «Дорогая, мы не собирались. Мы не хотели тебе говорить, пока, ну, ты понимаешь, твоя мама...» – «Пока что? – шипела я. – Пока не умрет?»

Помню, как обожгло руку, когда я залепила ей пощечину, и ее испуганный крик. И другой звук – смех. Смех Джереми.

Теперь мигрень немного поутихла. Яркие огни стали тускнеть и наконец пропали, как и ленты в виде молний, эти сообщения с Марса.

Я села. Меня до сих пор немного потряхивало. Почти целый год я запрещала себе думать об этом, но встреча с Эваном Рочестером каким-то образом всколыхнула воспоминания.

«Бедная сиротка».

Я так и не рассказала маме, что случилось с Джереми, но, видимо, из моего разбитого сердца сочился яд, потому что мама быстро угасла. К июню она похудела до неузнаваемости, почти высохла: кожа стала цвета старого воска, плоти почти не осталось, даже ее милый курносый носик теперь скорее напоминал клюв попугайчика.

Как-то днем к концу сентября я поднесла к ее губам стакан теплой воды с трубочкой, и она, сделав глоток, пробормотала:

– Джоан...

– Это не Джоан, мам. Это я, Джейн.

Она покачала головой.

– Как-то раз пришло письмо. Для Джейн.

– Письмо? От тети Джо?

– Это был ее почерк. Ее «н» всегда было похоже на «п».

– И что было в письме?

– Я не открывала. Порвала. И смыла в туалет.

– Почему, мама?

Она снова покачала головой, засыпая. А к вечеру ее дыхание стало резким и рваным, и каждый вдох давался все тяжелее. Я держала ее высохшую руку в своей, крепко сжимая, и мне показалось, что я почувствовала слабое ответное пожатие.

– Мама, пожалуйста, не уходи, – умоляла я. – Не оставляй меня.

Но она только вздохнула, легко, как спящий ребенок. А потом я осталась одна.

Меня наконец перестало трясти, и я мысленно велела себе собраться. Да, я осталась сиротой, но ребенком меня уже сложно было назвать. И не за что жалеть. Не надо было показывать Эвану Рочестеру то, что я чувствую.

Физически он очень привлекателен, пришлось признать. И, в конце концов, он женился на одной из самых прекрасных женщин в мире. Но меня он не интересовал. Тот удар током от прикосновения был вызван просто жаждой любого физического контакта.

Я вновь подумала о полном отсутствии каких-либо напоминаний о Беатрис Рочестер в зале – или в любой другой комнате, кроме Морской – ее любимой. Один белый шезлонг, и все.

Почему его оставили?

Поместье хранило свои секреты, я не сомневалась. И в этой комнате они тоже были. Может, мне удастся разгадать какие-то из них. Выяснить, что на самом деле случилось с Беат-

рис в день ее исчезновения, в их годовщину свадьбы. Какая дикая мысль. Но с каким воодушевлением я это предвкушала!

Чувствуя себя выжатой как лимон, я уже собиралась переодеться в ночную рубашку, но на крючке в ванной, где она осталась вчера, ничего не было. Но я же точно вешала ее туда... Машинально я бросила взгляд на стеклянные двери. Что-то мелькнуло в темноте.

Только лунный свет и ветви.

Ничего больше.

Беатрис

Торн Блаффс, 17 декабря

Позднее утро

В голове раздается голос: «Беатрис, ваша массажистка здесь. Ждет в Морской комнате». Голос не в голове. Он звучит по переговорному устройству – это парень в золотых очках. *У тебя нет времени,* – шепчет Мария. – *Тебе нужно найти лезвие. Пустить кровь. Помни про план.*

– Заткнись, заткнись! – кричу я. Мне нужен массаж. Меня всю трясет, и я боюсь следовать плану.

– Что-то не так, миссис Беатрис? – спрашивает Аннунциата, пришедшая отвести меня в Морскую комнату.

Она что, прочитала мои мысли или я говорила вслух? Не могу думать. Туман в мыслях слишком густой. Но тут слова все же находятся.

– Все в порядке, – отвечаю я. – Я готова.

Аннунциата отводит меня вниз по лестнице в комнату с поблескивающим светом: массажистка уже разложила свой стол. У нее волосы цвета ржавчины и квадратный подбородок.

– Доброе утро, миссис Рочестер. Меня зовут Бренда. Как ваши дела? – От света из больших окон у нее появились лимонные веснушки. Я складываю ладони вместе, точно в молитве. Массажистка делает то же самое. А затем, встряхнув, распахивает белое полотенце, чтобы я завернулась в него. Но мне незачем прятаться. Развязываю пояс халата, который шелковой лужицей растекается по полу, и ложусь лицом вниз на массажный стол.

Белое полотенце накрывает меня сверху. Бренда предлагает мне понюхать бутылочку:

– В этом лосьоне два основных масла: кориандр и горький апельсин.

Вдыхаю съедобный запах. Во рту пересохло, точно в пустыне.

– Вам нравится, миссис Рочестер?

– Да, спасибо, – с трудом нахожу я слова.

Веки тут же опускаются, точно жалюзи, когда прохладная жидкость льется на плечи и вниз по позвоночнику, а умелые пальцы начинают разминать тело. Полотенце поднимается, я переворачиваюсь на спину, и меня снова укрывают. Больше масла – и Бренда переходит к моим ногам, таким необыкновенно длинным: сейчас я мурлычущая кошка. Массажистка разминает, гладит, вызывая приятные ощущения, начиная с подъема стопы.

Снаружи слышится голос: это парень в золотых очках, который теперь для нас готовит, выговаривает что-то одной из собачонок.

Он вышел с кухни, – шепчет Мария Магдалина. – *Быстро туда!*

Нет. Мне слишком приятно...

Шевелись, глупая курица!

Я сажусь, сбрасываю полотенце и спрыгиваю со стола.

– Довольно.

– Но мы еще не закончили. Вы передумали? – Голос Брендры дрожит, она боится, что ее больше не позовут.

Подхватываю халат и накидываю на плечи, чувствуя, как волнами накатывает ее беспокойство.

Торопись, Беатрис!

Быстро бегу вверх по ступенькам, сердце испуганно колотится. Останавливаюсь перед дверьми кухни и старательно прислушиваюсь, но, кроме посудомоечной машинки и скрежета когтей собаки, больше никаких звуков нет. Захожу, и собачка виляет хвостом при виде меня. Гермиона. Та, с протезом вместо ноги.

Мой тюремщик искусен, он дал ей новую ногу. Он хочет, чтобы все считали его очень добрым. Я прохожу мимо Гермионы и дергаю за ручку ящика, в котором хранятся ножи, но он не поддается, даже когда я тяну изо всех сил. Заперт накрепко. Как и все ящики и шкафы – все заперто.

Твой тюремщик теперь прячет острые вещи, – напоминает мне Мария. – *Чтобы ты не могла защититься.*

Чувствую, как внутри поднимается крик, бурля в горле. И тут слышу шум воды, сливающейся из посудомоечной машины: подбегаю к ней и открываю, морщась от горячего пара. Снаружи, в кладовой, слышатся шаги. Быстро-быстро я хватаю серебристое лезвие – нож, а затем захлопываю дверцу и подхожу к холодильнику. Открываю.

– Привет, Беатрис. Хотите чего-нибудь? – спрашивает парень в очках. Он уже не юнец, и красавцем его не назовешь. Небритый, волосы торчат, глаза молочно-голубые. – Приготовить вам что-нибудь? Мне не сложно.

Я достаю нектарин и вгрызаюсь в мягкий фрукт, так что сок стекает по подбородку. Закрываю дверцу холодильника и оборачиваюсь, видя, как глаза парня превращаются в блюдца, а рот открывается. Он разворачивается на пятках и бросается прочь из кухни, как напуганный щенок.

– Сеньора! – вскрикивает женщина с косами, и ее глаза тоже становятся круглыми. Халат на мне распахнулся – так дело в этом? Плевать. Когда меня передевали в гримерной, я часто находилась там обнаженной, меняя нижнее белье.

«Быстрее, Беатрис!» – подгонял меня модельер. На мне ничего тогда не было, как и на других девушках или парнях, и никто внимания не обращал.

Аннунциата берет за пояс халата и туго завязывает его на мне.

Джакузи, Беатрис, – шепчет Мария. – *От нее кровь бежит быстрее.*

– Пожалуйста, включите джакузи, – прошу я Аннунциату. – Погорячее.

– Сделаю, миссис Беатрис. Пойдемте со мной.

Иду за ней наверх, чувствуя, как острый конец ножа упирается в бедро. Она его не найдет. Она не знает, что он там.

Глава шестая

«Вина и музыки просил я – крепче и громче, чем вчера».

С этими словами в голове я проснулась следующим утром. Вот что Эван Рочестер сказал, когда я вошла в зал. «Вина и музыки просил я – крепче и громче, чем вчера». Приняв контрастный душ и одевшись, я стоя съела маффин в своей кухоньке и взяла чашку кофе к компьютеру. Набрала крутящуюся в голове фразу в строке поиска.

Строка из поэмы поэта-прерафаэлиты Эрнеста Дюсона о мужчине, одержимом своей мертвой возлюбленной. Он развлекается, стараясь позабыть о ней, танцует, пьет, заводит романы направо и налево, но когда все заканчивается и он остается один в ночи, то понимает, что его душа все еще принадлежит его погибшей возлюбленной, Синаре.

«Тебе я верен был, Синара! По-своему».

Может ли это быть о Рочестере? Может он быть одержим своей погибшей Беатрис? Даже – или, возможно, если он и был причиной ее смерти? Но он же не сохранил никаких сентиментальных напоминаний о ней.

Интернет ловил, так что я набрала в поиске еще и «Эвандер Рочестер». Тысячи результатов. На первых страницах – сплошное семнадцатое декабря прошлого года. Я нажала на статью из «Сан-Франциско Экзэминер».

Показания Рочестера: он одевался, готовясь к ужину в честь их годовщины. Услышал, как залаяли собаки, и выбежал на террасу, откуда увидел жену в бухте внизу, в голубом вечернем платье. Она вошла в бушующую пену. Он бросился за ней прямо в волны, но опоздал. На берегу нашлась ее туфелька, босоножка на высоком каблуке. И больше ничего.

Я представила эту картину. Известная красавица в вечернем платье идет навстречу собственной гибели в холодное серое море. Теряет туфельку, прямо как Золушка.

Я читала дальше: свидетелем указали садовника поместья (Гектора!). Он побежал на пляж, но миссис Рочестер уже исчезла.

Брат, Ричард Мак-Адамс из Майами, штат Флорида, тоже выступил с заявлением: «У моей сестры не было суицидальных наклонностей. Да, было биполярное расстройство, но врачи с помощью медикаментов держали его под контролем. Ее муж применял к ней психологическое и физическое насилие, и я могу предоставить доказательства. Он убил ее ради денег, чтобы прикрыть свои финансовые махинации. У меня есть и такие доказательства».

Я поискала эти доказательства в следующих статьях, но либо полиция оставила их конфиденциальными, либо брат ничего не предоставил. Масштабные поиски и на суше, и на море не дали никаких результатов: тела не было. Как и любых других улик, способных связать Рочестера с убийством. Или хотя бы доказать, что это было именно убийство.

Так что, может, Отис ничего и не скрывает. Его кузен невиновен.

И вполне мог оказаться зациклен на своей жене.

Интернет подвис, но потом снова появился, и я набрала «Беатрис Мак-Адамс». Миллионы результатов. На первой страничке была ссылка на ее биографию в «Википедии».

Урожденная Бити Джун Мак-Адамс. Мать сидела на амфетамине. Отец неизвестен. С детства ее переводили из одной приемной семьи в другую во Флориде, Панхандл. Когда ей было четырнадцать, ее заметил фотограф во время соревнований по плаванию в средней школе (так-так, плавание, интересно). Несколько лет она принимала участие в местных показах в качестве модели, затем подписала контракт с модельным агентством «Элит» и сменила имя на более претенциозное Беатрис. Вместе со старшим братом Ричардом, выступающим в роли опекуна, она переехала на Манхэттен и вскоре сделала потрясающую карьеру. Следующие десять лет она постоянно попадала в список самых высокооплачиваемых моделей в мире, три раза была

на обложке журнала Sports Illustrated, как и Кристи Бринкли, но на два раза меньше, чем Эль Макферсон.

Я пролистала дальше, к описанию ее все более эксцентричного поведения. Ее сняли с самолета британских авиалиний за то, что она плюнула в стюардессу. Швырнула хлебную тарелку в официантку в ресторане Саут-Бича (восемь швов, судебный иск, внесудебное урегулирование). Специально подставила подножку другой модели, русской девочке, прямо на подиуме (выбитый зуб, разбитый нос, судебный иск, внесудебное урегулирование).

«Элит» разорвало с ней контракт, как и два агентства поменьше. Затем она пропала с подиумов. Потом я включила видео на «Ютубе» – Беатрис принимала участие в телешоу и давала советы, как правильно наносить макияж. Голос у нее был на полтона выше, чем я представляла, и в речи проскальзывал провинциальный гнусавый говорок. Другое видео показывало Беатрис в начале карьеры на подиуме и ее знаменитую походку. «Походка гепарда Беатрис Мак-Адамс» – так ее называли. В ней было что-то от хищника, она будто всегда была готова к прыжку.

И да, она была великолепна – но уже тогда с искоркой безумия. Эта походка. Наклон головы вперед. Слишком яркий блеск глаз. Эта нотка безумия и выделяла ее среди остальных красавиц. От нее было невозможно отвести глаз.

В дверь постучали.

– Это я! – крикнула София. За дверью в самом деле оказалась она, стоящая чуть ссутулившись, с теннисной сумкой на плече. На бледном, несмотря на загар, лице не осталось ни следа вчерашней синюшной косметики. Свежевымытые волосы, еще не высохшие до конца, напоминали разлитый кленовый сироп. Передо мной будто стояла совершенно другая девочка.

– Это ты рассказала отцу?

– Нет, я же пообещала, что не скажу. Но, думаю, он догадался по твоему виду.

– И как, он сильно злился?

– Скорее беспокоился, – тщательно взвесив слова, ответила я. – И как его винить?

– Он отошлет меня? Прямо сейчас?

– Нет. С чего бы?

Она пожала плечами, мотнув сумкой.

– Он не хочет, чтобы я жила здесь. Даже пытался заплатить Сант-Маргарет, это моя школа, чтобы они оставили меня на лето у себя. Но они закрываются на лето, так что не получилось. – Она заглянула мне за плечо. – Можно войти?

Я открыла дверь пошире, и София в пару широких шагов оказалась внутри: длинноногая, атлетически сложенная, как и отец. Ее взгляд упал на полевые цветы, которые она принесла мне, теперь свисающие через край стакана.

– Так и знала, что они завянут, – заметила она.

– Когда я приехала, они были еще свежими – вот что важно.

– Тебе не страшно тут совсем одной? – оглядевшись, поинтересовалась она.

– В первую ночь я немного испугалась, да. Но наутро все страхи показались такими смешными. И тут не так далеко от особняка.

– Я бы испугалась. – София плюхнулась прямо на незаправленную постель, а я задом наперед устроилась на одном из стульев.

– С нетерпением жду наших уроков. Какой у тебя уровень французского?

– Второй год обучения. Но у меня ничего не получается. С природоведением все просто, я не прошла только потому, что не сдала последний тест. Алгебру я никогда не учила, поэтому и завалила.

– Алгебра? Ею мы что, тоже должны заниматься?

– Ага, это один из предметов, которые мне нужно пересдать. – Как удобно Отис об этом умолчал. Придется быстренько вспоминать материал.

– Что ж, по-французски я говорю свободно, – сообщила я. – На втором курсе год жила в Лионе, ходила там в университет.

– То есть ты знаешь, как по-французски будет «лахудра»?

– «Лакхудра»?

– Ага. На занятиях по теннису есть одна девчонка, и она всегда несет чушь о моем отце и Беатрис, даже не проверяя, правда это или нет. И делает вид, будто прекрасно разбирается во французском. Так что я хочу назвать ее «лахудрой» по-французски и проверить, поймет ли она.

– Эм... ладно... в таком случае «*putain*»⁷ подойдет. Или можешь сказать « *salope*», но это дословно означает «стерва». Можешь использовать оба, «*putain de salope*»⁸.

Она повторила фразу за мной.

– Хорошо, спасибо. – София на пробу произнесла фразу вслух, а затем оперлась на ладони и слегка покачалась на кровати. – Так о чем было твоё ТВ-шоу?

– Его можно найти на «Нетфликсе». Оно было такое... готическое, если тебе нравится что-то подобное.

– В прошлом году по литературе нас заставили читать «Грозовой перевал». Это готический роман, да?

– И по моему мнению – самый лучший. Тебе понравилось?

– Ну так... Я много пролистывала из-за архаичного написания. – Тут она взглянула на меня, проверяя, знакомо ли мне это слово, но я невозмутимо посмотрела в ответ. – А еще некоторые места были немногочисленными. Как когда тот парень, как его там?..

– Хитклифф?

– Ага. Как когда он выкопал гроб Кэти, чтобы посмотреть на нее спустя столько лет после смерти. А потом он сломал гроб, чтобы его похоронили там же и они могли гнить вместе. Ну противно же?

– Я бы назвала это ужасающим. Но, вспоминая этот роман, обычно говорят не об этом моменте, а о большой любви Кэти и Хитклиффа. Как даже после смерти возлюбленной он был одержим своей любовью.

– Ну да, но... гниль и все такое? Не лучше бы было желать, чтобы соединились их души, а не остатки тел?

– Ладно, ты права, – усмехнулась я. – Про гниль – отвратительно.

Софи слегка улыбнулась в ответ.

– Можно тебя кое о чем спросить?

– Конечно, о чем хочешь.

– Ты считаешь, мой отец убил Беатрис? – Я быстро взглянула на нее. – Так все говорят, да?

– Не знаю, я только приехала.

– Да, но это было повсюду в интернете. – София прикусила верхнюю губу. – Я так не считаю. Мне кажется, он все еще безумно ее любит и ждет, что она вернется.

Прямо как возлюбленный Синары.

– А почему ты так думаешь? – спросила я.

– Он оставил ее вещи так, как было при ней. В ее спальне и гардеробной.

– У Беатрис была собственная спальня? – не удержалась от вопроса я.

– Ага. И все ее платья еще там. Раньше к ней приходила девушка по имени Кендра, приносила ей новые вещи на примерку. Но Беатрис орала на нее, ругалась, не стесняясь в выражениях, потому что, по ее словам, Кендра приносила ей большие размеры. Так что Кендра

---

⁷ Putain (фр.) – шлюха.

⁸ Putain de salope (фр.) – чертова сука.

уволилась, а Беатрис начала ездить в Силиконовую долину, там полно модных бутиков. Возвращалась с охапкой дизайнерских нарядов крошечных размеров – даже на меня не налезет. Может, тебе подойдут.

От этой идеи меня пробрала дрожь.

– Сомневаюсь. Она была гораздо выше меня.

– 178 сантиметров, на пару сантиметров выше меня. Но она покупала себе вещи на пару размеров меньше! А теперь они все просто висят там, даже с ценниками. А еще там остались ее украшения. Эти я одолжила. – Она откинула прядь волос с уха, показывая ослепительные бриллиантовые серьги-кольца.

– О боже, София! Тебе разрешили их взять?

– Никто не запрещал. А ей они были не нужны. Как-то вечером, когда я только приехала, она стояла у себя на террасе и бросала с нее украшения вниз, пока папа ее не остановил. Потом Гектор спустился вниз к утесам, что-то нашел и принес, а что-то осталось.

Мое воображение моментально рисует изумруды, рубины и бриллианты, блестящие в серо-зеленых лианах подобно капелькам росы.

– Ты должна вернуть серьги. И прежде чем брать что-то, спрашивать отца.

– Я всегда кладу их на место. И он не возражает.

Интересно, что еще она так одалживает. Мне вспомнилась моя пропавшая ночная рубашка.

– София... ты, случайно, вчера вечером сюда не приходила? Может, тебе было нужно поговорить или что-то еще?

– Нет. Зачем? А что, Отис так сказал?

– Нет, мне просто показалось, что здесь кто-то был.

– Может, я ходила во сне. Мама иногда ходила. Перед поездкой в Африку она принимала таблетки, чтобы не заразиться малярией, и от них начала ходить во сне.

– Она была замечательным человеком. Как ее звали?

– Беттани. Это и мое второе имя.

– Красивое. У тебя есть фотографии?

София достала телефон и, быстро пролистав, передала мне.

На экране было видео с женщиной ненамного старше меня: очаровательное круглое лицо, каштаново-рыжие волосы, чуть темнее, чем у Софии. Возможно, она бы предпочла похудеть на несколько килограммов. Она стояла на пляже у озера, в цельном купальнике в горошек, и пыталась скрыть бедра, прикрывая их руками, при этом хохотала, взвизгивая, как и все мамы: «Что ты делаешь! Прекрати! Ты же обещала! Убери эту штуку! Вот я тебя сейчас догоню!» – а за камерой слышался такой же счастливый смех Софии. От этого видео просто разбивалось сердце.

Затрубил слон – звук сообщения, и София тут же выхватила у меня телефон.

– Это Отис, он уже в машине. Беспокойся, если я хотя бы на две секунды опаздываю.

– Ладно, беги. Заберу тебя позже.

– Не нужно, я поеду на ужин к Пейтон, моей подруге, а потом ее брат отвезет меня домой.

– А как же наши занятия?

– Ой, блин, точно. Я забыла. Давай завтра. – И она повернулась к двери.

– Подожди, – с нажимом произнесла я. – С завтрашнего дня – никаких прогулов уроков.

И никаких оправданий. София, я серьезно.

– Ладно, ладно.

Она вышла за дверь, и телефон запикал уже у меня. Три сообщения от Отиса со смайликами. Сложенные ручки – умоляющие, просящие прощения за ложь Эвану. Рыдающий котик. Обезьянка, закрывающая лапками рот. Потом целый набор рыдающих котиков, ребенка, трущего глазки медвежонок, петля висельника и (предложение взятки?) – шоколадное печенье.

«Ладно, прощаю тебя, – написала я в ответ. – Но больше ничего не выдумывай».

От Отиса тут же пришло:

«Не буду! Клянусь!»

А потом сразу же:

«Не забудь про собак. Сейчас я жутко занят, но потом приеду и покажу тебе, где их еда и все такое».

Ответив согласием, я вернулась к компьютеру, закрыла окошко с биографией Беатрис и набрала в поиске местную парикмахерскую для домашних животных с услугой выезда на дом: мне попался «Холеный песик», и я забронировала время на конец этой недели. Потом нашла по отзывам хорошую ветеринарную клинику и записала всех пятерых собак на прием, начиная с чихающего бульдога.

А затем начала готовиться к урокам с Софией: заказала «Алгебру для чайников» и «Краткий курс „Природоведения“» на «Амазоне» и скачала тридцатиминутную лекцию (которая двадцать минут только загружалась с таким сомнительным вай-фаем) «Алгебра для начинающих». Там женщина пронзительным голосом объясняла уравнения. Я слушала, старательно конспектируя. Потом поискала новые усилители связи и заказала недорогой модуль – может, хоть он поможет.

Перекусила я оставшимися от завтрака кексами. Разница в часовых поясах начинала сказываться. Мне нужна йога, подумала я и, раз уж интернет работал, искала и ее. Количество вариантов впечатляло: от бикрам-йоги до чего-то под названием «оздоровление ауры». Как бы моя аура ни нуждалась в корректировке, я все же выбрала занятия по виньясе в три пятнадцать, без предварительной записи. Натянув одежду для йоги, я запихнула в сумку полотенце. Написала Отису, что сейчас подойду для лекции про собак, вышла и направилась к главному дому.

Все утро от особняка доносились звуки бурной деятельности, а на парковке яблоку было негде упасть. Вот задом сдает грузовик службы доставки, а из зеленого фургона высыпает мужчины и женщины в оранжевых футболках с картонными коробками в руках. Я прошла мимо эвакуатора с мотоциклом на нем и кивнула парню с густой шевелюрой, как раз закрепляющему «Харлея» цепями.

Из боковой двери показался Отис, выглядевший еще более издерганным, чем обычно, в помятой футболке Daft Punk и перекошенных золотых очках.

– Что тут творится?

– Эв обустривает новый офис в гостевом домике, а я отвечаю за ворота. Не дай бог, проберется кто-нибудь. – Отис провел меня в огромных размеров кладовку, быстренько показал, где какая собачья еда, а потом их миски на крыльце черного хода. Там же у двери висела ваза с несколькими дюжинами еще не распустившихся белых тюльпанов в изумрудной упаковочной пленке.

– Симпатичные цветочки, – заметила я.

– Ага, Эву прислали. Кто-то выложил кругленькую сумму. Их нужно отнести в офис, но я тут погряз, – с надеждой в голосе пояснил он.

– Ладно, отнесу. Как раз собираюсь на виньяса-йогу в Кармеле. А как найти этот офис?

– Тропинка за гаражом, иди за ребятами из доставки. – Отис подхватил вазу и сунул мне. – Очень помогаешь, спасибо.

Полудобнее перехватив тяжелое гладкое стекло, я повернулась обратно к подъездной дорожке, чуть не чихая от щекочущего нос целлофана. Следом за рабочим в оранжевой футболке я прошла до небольшого здания в том же стиле, что и особняк, из стекла и камня.

Внутри кипела еще более бурная деятельность: стены сносили, чтобы освободить пространство, слишком ядовито пахло краской, а от оранжевого цвета рябило в глазах. Рабочие разматывали кабели, настраивали какие-то устройства, сверлили и стучали молотками. Кто-то переключал музыку, точно «Спотифай» сломался и маниакально включал все подряд.

Я быстро огляделась. Нет, его не было. И что это за чувство – облегчение или разочарование? Конечно, облегчение. Я пообещала не путаться у него под ногами – и вот уже влезла в его офис.

Дойдя до относительно свободного стола, переступая через провода так ловко, будто снова оказалась на съемочной площадке «Темной Карлотты», я поставила вазу между электрической дрелью и открытой картонной коробочкой лапши соба.

– Эй, вы! Джейн! – донесся сверху голос, и я вздрогнула, задирая голову. Мистер Рочестер балансировал на верхней перекладине лестницы, возясь со светодиодными лампами под потолком. – Стойте там.

Сердце упало в пятки. Вот он спустился по лестнице, по-прежнему осторожно наступая на поврежденную ногу. Борода спустившегося с гор дикаря исчезла, черные кудри доходили до потрепанного воротника белой оксфордской рубашки, и выглядел он лет на десять моложе.

Сняв с уха беспроводную гарнитуру, Рочестер взглянул на вазу.

– Это вы притащили?

– Да, – призналась я. – Но это не от меня. Ее доставили в дом.

Он сорвал белый квадратный конверт с целлофана, вытащил карточку, и на его губах мелькнула улыбка. Затем он бросил ее на стол, но я успела мельком увидеть надпись: единственная буква, элегантная, с завитушкой, написанная зелеными чернилами. Буква «Л».

– И что вы думаете?

– О чем? – Я поспешно подняла голову.

– Обо всем этом, – неопределенно махнул рукой он. – Подойдет мне в качестве офиса?

– Наверное. Сколько людей будет здесь работать?

– Нисколько. Все останутся в Лос-Гатосе.

– Получается... только вы?

– Только я. – Этот взгляд. Я и забыла, какой он пугающий. Но я не дам себя запугать, поэтому смотрю ему прямо в глаза.

– Вы занимаетесь инвестициями в стартапы, верно? Приложения и все такое?

– И все такое.

– Есть что-нибудь интересное сейчас?

– Думаю, да.

– Приложение? Или... что-то другое?

– Что-то совсем другое, – с полуулыбкой ответил он. – Стартап в сфере биотехнологий. Компания называется «Дженувэйшн Технолджис». Мы разрабатываем программное обеспечение на биологической основе для производства экологически чистых предприятий.

– А перевести можно?

Он улыбнулся еще шире.

– Это что-то вроде экотехнологий, чтобы производить некоторые химические вещества при помощи, к примеру, водорослей, а не с использованием токсичных процессов, как сейчас. К примеру, в парфюмерии.

– И что, я теперь буду капать на запястья водоросли?

– Не совсем. Это на молекулярном уровне, разницы вы не заметите. Но косметика – только начало, существуют сотни потенциальных вариантов применения. Краски. Топливо для машин и самолетов. На самом деле возможности безграничны. – Рочестер воодушевлялся все больше. – Это отлично скажется на экологии, на состоянии планеты. Такие технологии – рево-

люционный прорыв. – Он говорил с такой горячностью, даже страстью, и меня снова кольнуло, как от удара током, так что я поспешно отвела взгляд.

– Похоже, отличная идея для бизнеса.

– Очень на это рассчитываю. Иначе все улетучится как дым.

– Этот офис?

– И не только. Практически все, что у меня есть. – Но было очевидно, что проигрывать он не собирался – настолько был уверен в себе. Тут в ушах резко зазвенел высокий, почти писклявый голос Мэрайи Кэри, а потом чей-то мужской голос прокричал:

– Как вам высокие частоты, мистер Р?

Мистер Р показал большой палец, и звук тут же убавили.

Вдруг как из-под земли перед нами появился мужчина: невысокий, в широкополой соломенной шляпе, под которой виднелось обветренное загорелое лицо. Тот самый Гектор. Муж Аннунциаты.

Тот, кто тоже спустился в бухту, когда Беатрис якобы сама зашла в воду, но добрался туда, когда было уже поздно.

Эван заговорил с ним на том самом языке, звучащем будто из-под воды, который я уже слышала накануне. В разговоре послышалось мое имя, но во взгляде Гектора не было ни вражды, ни дружелюбия, только равнодушие. Он будто бы говорил: «Есть вы тут или нет, мне без разницы».

Обсудив с хозяином поместья свое оставшееся тайной дело, он исчез так же неожиданно, как и появился.

– На каком языке вы говорили? – не удержалась я.

– Это мискито, смесь с испанским – в основном для моего удобства.

– На вашей татуировке тоже он?

– Что? – прищурившись, переспросил он.

– На татуировке на вашей руке.

– Нет. – Нахмурившись, мужчина покосился на руку. – Там просто ерунда. – И он поднял гарнитуру, уже собираясь снова надеть ее.

– Погодите, еще кое-что, – добавила я. – Мне дали «Ауди». Я арендовала машину, но... ее по ошибке вернули в Аламо. Я немедленно попрошу прислать новую.

– С «Ауди» что-то не так?

– Ох, нет, машина просто обалденная. Просто... я не знала, что она принадлежала вашей жене.

– Договор оформлен на мое имя. Вы не крадете у мертвых, если это вас беспокоит, – хмыкнул Эван, и щеки у меня тут же вспыхнули злым румянцем. – На машине надо ездить. Хотя бы чтобы крысы в двигателе не поселились. Берите чертову машину. – Рочестер снова надел гарнитуру и взобрался обратно по лестнице.

Повернувшись, я сердито протопала к двери, разрываемая одновременно злостью и недоумением. Он так холодно говорил об «Ауди» – да, это только машина, но разве она не вызывает чувств у супруга, вроде бы убитого горем? И так небрежно говорить об «ограблении мертвых»...

Он вовсе не мечтал, чтобы его жена вернулась, как возлюбленный Синары. Он уже сбросил ее со счетов.

Вот только София сказала, что он оставил ее комнату нетронутой, со всеми вещами и украшениями. Девочка считала, что он все еще был до безумия влюблен и надеялся, а может, и ждал, что жена вернется.

Ну и загадка. Одновременно интригующая и выводящая из себя. Меня более, чем когда-либо, переполняла решимость разобраться в том, что произошло в декабре прошлого года, – насколько получится.

В «Ауди» я села, аккуратно закрыв дверцу, будто неуважительное обращение могло оскорбить память Беатрис. Завела двигатель, спасая его от крыс, и вырулила из гаража, чуть не задев коричневый пикап, кое-как припаркованный сзади. Ударил по тормозам – и из-под переднего сиденья что-то выкатилось.

Золотой цилиндрик губной помады цвета перламутровой лаванды, которая прекрасно подошла бы зеленоглазой красавице со светло-серебристыми волосами. Вздрыгнув, я бросила ее в бардачок.

«Л» – лаванда, подумалось мне. Кто же эта «Л», приславшая дорожный букет еще не распустившихся тюльпанов? Не нравится мне эта буква, решила я.

«Ауди» действительно была великолепна. Я ехала километров на двадцать – двадцать пять выше ограничений, а для обгона хватало лишь легкого касания педали газа. Дорожные знаки понемногу становились знакомыми: кабанчики, переходящие дорогу, съезд на ферму с оригинальным сочетанием «чеснок – вишня – живая наживка» на указателе. Поселение-коммуна «Эсален», где можно было искупаться в джакузи голышом вместе с незнакомцами.

Во весь голос подпевая по радио Адель, я въехала на мост Биксби-Крик, и тут машина, двигавшаяся в противоположном направлении, резко развернулась, втиснувшись в мою полосу в нескольких машинах позади. Водитель был либо пьян, либо сумасшедший: ему тут же засигналили, но он, виляя и обгоняя машины, пристроился сразу за мной. Вот идиот! Я посмотрела в зеркало заднего вида.

«Рэндж-Ровер». Синий металлик.

Меня кольнуло тревогой: машина висела на хвосте. Я снова глянула в зеркало, различив светлые волосы и большие темные очки. Нажав на педаль газа, я пронеслась к выезду из Кармел-бай-зе-Си и съехала на дорогу в Рио. Мой преследователь тоже повернул, ускорившись, так что чуть не влетел мне в бампер.

– Психопатка, – пробормотала я.

Она так и висела у меня на хвосте, но тут слева появился поворот к церкви Кармел Мишен, и я крутанула руль, делая резкий поворот. Позади послышался глухой удар и лязг металла: «Рэндж-Ровер» въехал в бордюр у парковки и остановился. Отлично.

Объехав поворот к церкви, я вырулила на Долорес-стрит и на большой скорости понеслась к центру города, но через пару кварталов остановилась: получалось, что я убегаю. Нет уж.

В голове снова мелькнула безумная мысль: Беатрис.

Может, она не хотела мне навредить, а просто отчаянно пыталась поделиться какой-то жизненно важной информацией – или хотела, чтобы я спасла ее.

Просто смешно. И все же, спорила я сама с собой, я должна узнать наверняка. И, развернувшись, я поехала обратно.

«Рэндж-Ровера» и след простыл – вместе с моими шансами встретиться с водителем лицом к лицу.

GPS по-прежнему терпеливо перестраивал маршрут до «Прана-йога-студио», и, следуя его инструкциям, я добралась до западного округа Кармела, а там – до одноэтажного домика с желтой черепичной крышей на улице с жилыми домами. Припарковавшись на плотно заставленной парковке у входа, я сделала глубокий вдох: через дорогу остановился «Рэндж-Ровер».

Я замерла в ожидании, чего ждать дальше. Ничего. Машина просто стояла, двигатель работал на холостом ходу. Что же ей нужно? Я на пробу открыла дверь. А затем, уже решительнее, вышла и направилась к преследовавшей меня машине.

Со стороны водителя открылась дверь, и оттуда выскользнула высокая изящная фигура со светлыми, почти белыми волосами. Сердце у меня колотилось как сумасшедшее. Но это была не Беатрис Мак-Адамс-Рочестер.

Это вообще была не женщина.

Глава седьмая

– Почему у вас машина моей сестры? – спросил подошедший ко мне блондин, напрягшийся, точно перед прыжком, со слегка сжатыми кулаками.

– Так вы ее брат! – воскликнула я. Сходство между братом и сестрой поражало. Те же роскошные, отливающие серебром волосы (уже начавшие немного редеть на висках), то же изящное телосложение, гибкое, напоминающее иву. Как и у Беатрис, у него была такая же бледная, почти прозрачная кожа и изгиб тонких губ.

– Я Ричард Мак-Адамс, – объявил он. – Отвечайте на вопрос. Кто вы такая и откуда достали машину моей сестры?

Грубые мужчины уже начинали действовать мне на нервы.

– Мне ее одолжили, – холодно сообщила я.

– Кто? Эван Рочестер?

– Вообще-то да.

– Почему?

– Потому что в данный момент я живу в Торн Блаффсе и мне нужна машина.

– Вы с ним спите?

– Что? – От возмущения у меня горячо вспыхнули щеки.

– Что слышали. Я хочу знать, спите ли вы с мужем моей сестры. Это прямой вопрос. Да или нет?

– Не ваше дело.

– Мою сестру убили в Торн Блаффсе. Все, что там происходит, – мое дело.

От прямого его заявления я опешила, но все же возразила:

– Меня это не касается. И я не знаю с абсолютной точностью, что она была убита.

Ричард Мак-Адамс воинственно шагнул вперед:

– У моей сестры было биполярное расстройство, но медикаменты поддерживали ее в стабильном состоянии. Это не был долбаный суицид! – Он поднял темные очки на макушку. Глаза у него оказались более янтарного оттенка, чем у его сестры. – Ваше имя?

– Опять же, не ваше дело. Вообще-то вы могли нас обоих угробить – мчались как сумасшедший. Вы уже однажды преследовали меня, а попробуете снова – я позвоню в полицию.

Он сжал губы так плотно, что они побелели, потеряв почти весь цвет. Но тут мужчина бросил взгляд за меня, и неожиданно его выражение из угрожающего сменилось на благодушное.

– Намастэ, дамы! – крикнул он.

Я обернулась. Две женщины среднего возраста, обе со свернутыми ковриками для йоги, направлялись к студии.

– Намастэ! – приветливо крикнула в ответ одна из них.

Затем, явно сделав какие-то выводы, Ричард Мак-Адамс решил попробовать другую тактику: глаза у него смягчились, губы изогнулись в мальчишеской улыбке.

– Послушайте, я вас понимаю. Слишком бурно отреагировал, моя вина, признаю. Увидел вчера ее машину у клуба, а за рулем – незнакомую женщину. Для меня это был невероятный шок! И сейчас я вообще-то как раз ехал в Торн Блаффс, когда увидел вас, и удивился не меньше прежнего. – Он бросил взгляд через улицу, на этот раз на «Ауди». – Эта машина, знаете ли, единственная в своем роде. Краску создали специально для Беатрис, на заказ, когда она ее купила. Кристально-синий, как сапфир, ее любимый цвет.

– Я думала, она в аренде.

– Нет, ее купила и оплатила моя сестра. И я прошу прощения, если вел себя опрометчиво. Просто потерял голову. – Сейчас он прямо-таки излучал обаяние. – И несколько вас не виню за

то, что вы рассердились. Какой-то маньяк гоняется за вами по всему городу, еще бы. Вот что. Почему бы нам не начать сначала? – Достав из внутреннего кармана пиджака кожаную визитницу, мужчина, точно фокусник, выудил оттуда карточку. – Я Рик Мак-Адамс. Как поживаете?

Я бросила взгляд на надпись: «Ричард Мак-Адамс, адвокат». Мобильный телефон, адрес в Майами.

– И на чем вы специализируетесь?

– На доверенностях и недвижимости. Завещания и тому подобное.

– В Майами?

– Нет. Я переехал сюда. На данный момент пока не беру дела. – В ответ на мою попытку вернуть карточку он махнул рукой: – Нет-нет, оставьте себе. А вы?..

– Джейн, – просто ответила я.

– Рад познакомиться, Джейн. И позвольте мне еще раз извиниться. Мы с сестрой были необычайно близки, и боль от ее потери все еще свежа. И мысль, что другая уже заняла ее место... – Плечи его потерянно опустились.

– Я не занимала ее место, – сдалась я. – Между мной и Эваном Рочестером ничего нет. На него работает мой друг Отис Фэрфакс. Отис договорился, что я поживу в коттедже этим летом.

– А, Отис. Славный парень. Так вы в Биг-Суре на отдыхе? Очаровательно.

– Не совсем на отдыхе. – Он бросил на меня вопросительный взгляд, но я не обратила внимания.

– Послушайте, Джейн, почему бы мне не угостить вас коктейлем? В знак извинения. Я знаю тут местечко неподалеку, они готовят лучший мохито в городе. «Тинкерс», кажется. Покажу, как проехать. – Он лучился обаянием. – Вы знали, что в самом Кармеле нет номеров улиц? Мы просто пользуемся поперечными улицами. Придает оригинальности.

Он привык, что женщины таяли в его присутствии. И Рик был удивительно красив: стройный, грациозный, в отлично сидящем на нем прекрасно скроенном дорогом пиджаке в полоску и белых льняных брюках. Но, несмотря на его красоту, в нем было что-то отталкивающее. Скользкое. Будто какое-то существо с морского дна.

– Немного рано для алкоголя, – отказалась я. – И у меня занятия по йоге. Я уже опаздываю.

– В таком случае позже. Я подожду. Джейн, нам действительно надо поговорить. Раз вы будете жить в Торн Блаффсе, есть кое-что, о чем вам нужно знать. – Понизив голос, он продолжил: – Эван Рочестер – чудовище.

Он издевался над моей сестрой. Он ее бил. Угрожал лишить ее жизни и в конце концов исполнил угрозу. Я все вам расскажу.

Видимо заметив мою нерешительность, Рик продолжил более настойчиво:

– Так что скажете? После йоги?

Но мне уже неожиданно расхотелось идти на виньясу, не тот настрой. Я ему не доверяла, но просто сгорала от любопытства.

– Ладно, пойдете, – решила я. – Поеду за вами.

Мы проехали почти километр до ресторана в небольшом деревянном домике, приютившемся в конце мощеного переулка. В поисках места для парковки мне пришлось покружить, и когда я вошла в ресторан, он уже сидел за столиком на двоих. Рик энергично замахал обеими руками над головой, будто я могла пропустить его в толпе – и это в полупустом помещении.

– Мохито уже готовят, – сообщил он. – Взял на себя смелость сделать заказ. Не могли найти парковку? Это все туристы. Ненавижу, они будто яд.

Молоденькая официантка поставила перед нами запотевшие ото льда бокалы, и янтарные глаза Рика блеснули улыбкой.

– Спасибо, дорогая. – Девушка в ответ глупо улыбнулась, попав под яркие лучи его обаяния.

Ричард Мак-Адамс вновь повернулся ко мне. С такого близкого расстояния он уже не выглядел настолько красивым. Скорее поистрепавшимся. Точно марионетка, которую слишком часто использовали, – даже голова у него слегка дергалась в разные стороны, будто кто-то тянул за невидимые ниточки.

– Так что же мне нужно знать? – спросила я.

Сбросив с края бокала листик мяты и кусочек лайма, он сделал большой глоток, намеренно удерживая меня в напряжении.

– Вы должны знать, с чем имеете дело, Джейн, – наконец проговорил он. – По крайней мере, ради вашей же безопасности.

– Вы считаете, мне что-то угрожает?

– Может, да, а может, нет. Но я определенно могу сказать, что Эван Рочестер – социопат. У него нет совести в принципе. Чувства или нужды других людей для него не имеют никакого значения. Он может быть очаровательным, когда ему это удобно, но он сделает все что угодно, чтобы добиться желаемого. И возможные жертвы его волновать не будут – как и угрызения совести. – Рик наклонился ближе ко мне. – Моя сестра жила в страхе, Джейн. Этот мужчина сбросил ее с лестницы. Я видел синяки. Ее сломанные ребра. Избитое лицо.

Я вздрогнула.

– Вы знали, Джейн, что он запер ее в психушке?

– Я знаю, что ее госпитализировали, это не секрет. Вы сами сказали, что у нее было биполярное расстройство.

– Да, но даже когда ее состояние стабилизировали при помощи медикаментов, он продолжал держать ее там. Бог знает сколько времени она бы там провела, если б я не вытащил ее, позвонив по своим связям. Конечно, теперь я жалею об этом. Все думаю, а может, тогда бы... – Голос у него сорвался. – Может, не забирай я ее, она была бы жива. – Глаза у него затуманились и стали больше напоминать глаза его сестры. – Когда она вернулась, этот монстр запер ее в комнате. Накачивал таблетками, не давал ни с кем видеться. Даже со мной. Будто она была его пленницей. Он отрезал ее от мира.

Я взглянула на него с сомнением.

– В Торн Блаффсе тогда работало довольно много людей.

– Все были под его жестким контролем. Та парочка, Сандовалы? Они были ее надсмотрщиками. – Снова дерганье головой в разные стороны. – Она ужасно боялась, что он убьет ее, и так и случилось.

– Почему вы не рассказали полиции?

– Рассказал, разумеется. Но социопаты вроде Рочестера могут лгать куда убедительнее, чем многие из нас говорят правду. У него на все находилось простое объяснение: что у нее были суицидальные наклонности и она сама бросилась вниз со ступеней. И это она теряла над собой контроль и впадала в ярость. – На мгновение он крепко зажмурился, пытаясь совладать с эмоциями.

У меня неожиданно сжалось горло, и я сделала большой глоток мохито.

– Так вы обвиняете Эвана Рочестера в том, что он социопат, который избивал жену и однажды дошел до того, что убил?

– О нет, не так. Он из хладнокровных и все спланировал. Инсценировал первую так называемую попытку суицида в качестве алиби, чтобы, когда он наконец убьет ее, у него оно было.

– И у вас есть доказательства?

– Это единственное подходящее объяснение. Ее смерть обеспечила бы ему деньги. Видите ли, Беатрис хотела с ним развестись. Как я вам и говорил, она до ужаса его боялась. – Ричард наклонился еще ближе, и передо мной в нескольких сантиметрах оказалось лицо истрепанной куклы. – Вам же известно про эту биотехнологическую компанию, в которую он вложился?

– Немного. Он сказал, что это благоприятно скажется на окружающей среде.

– И на его кошельке. Рочестер по природе игрок. Да, он срывал большие куши, но и проигрывал столько же. В этот раз он поставил на карту все. И может вот-вот потерять. – Лицо мужчины сейчас так близко, что до меня доносится его пахнущее лаймом дыхание, и я отклоняюсь. – Примерно год назад здесь было землетрясение, 5,3 по шкале Рихтера. Оно прошло прямо под лабораторией его компании, нанесло жуткий урон. Им пришлось приостановить выпуск продукции еще на год, но при этом продолжать платить по счетам и кредитам. У него не было денег, так что он взял еще кредит под залог имущества. Он заложил Торн Блаффс. Дом в Сан-Франциско. Всю другую собственность.

– И что?

– По документам Беатрис принадлежала половина всего. Если б она развелась с ним, ему пришлось бы выкупать ее долю. Но тогда ему пришлось бы продать большую часть акций своей компании, а этого он точно делать не хотел. – Тут Рик горько рассмеялся. – Знаете, сколько Рочестер рассчитывает заработать на этой сделке?

– Понятия не имею.

– Он вот-вот получит огромные деньги от спонсора. И как только сделка пройдет, его компания будет стоить примерно шесть миллиардов долларов, а сам Рочестер получит семьсот миллионов.

Миллиард. Сотни миллионов. Цифры прыгали в голове, точно воздушные шарик.

– Так вот скажите мне, – продолжал тем временем Рик, – банкротство или сказочное богатство... стоящий мотив для убийства?

Часть меня хотела оказаться как можно дальше от этого человека и того, что он говорил, но еще большая часть хотела узнать больше.

– Если предположить, что хотя бы часть сказанного вами правда, как же, по вашему мнению, он ее убил?

– Мое предположение? Он накачал ее наркотиками до бессознательного состояния, отнес к воде и держал, пока в легких не осталось воздуха.

– Или он может говорить правду – и ваша сестра утопилась сама.

Рик только пренебрежительно хмыкнул.

– Моя сестра участвовала в соревнованиях по плаванию. Мы выросли во Флориде, она практически жила в воде, точно русалка. Она не могла утопиться, даже если б захотела. – Его голова снова дернулась. Ну точно марионетка. – Нет, Джейн, утонуть она могла только в одном случае. Если он утопил ее. Хотя, конечно же, он мог убить ее каким-то другим способом, а потом избавиться от тела.

Я перевела взгляд на пастельный рисунок на стене за ним. Стул с мягкой обивкой, на ручке – белая блузка. Будто женщина собиралась вот-вот вернуться, но так и не пришла.

– Вы знали, Джейн... – понизив голос до зловещего шепота, продолжил Рик, – что он уже начал процесс, чтобы мою сестру признали умершей?

– В самом деле?

– Несколько недель назад он подал заявление в суд.

Неужели правда?

– Но вы могли бы помочь мне, Джейн. Помочь добиться справедливости для моей несчастной сестры. – Сейчас мужчина вел себя чрезвычайно обольстительно, чтобы нельзя было устоять. Ну или, во всяком случае, пытался. – Полиция по-прежнему его подозревает. Они так же, как и я, уверены, что он виновен. Но окружной прокурор никогда не предъявит обвинения без железобетонных доказательств. Вы могли бы помочь мне их найти.

Я резко покачала головой:

– Нет.

Он накрыл мою ладонь своей.

– Вы очень привлекательная, Джейн, знаете? Вы могли бы использовать это против него. Он никогда не мог устоять перед хорошенькими девушками.

Я выдернула руку.

– Если вы будете с ним милой... у него необъятное эго. В подходящих обстоятельствах, если вы сумеете его очаровать, он не сможет устоять перед возможностью похвастаться своими подвигами. – Его мурлычущий голос звучал все более соблазнительно, чуть ли не лаская, и по коже поползли мурашки.

Я поднялась на ноги.

– Соболезную вашей потере, но ничем помочь не могу.

Все очарование тут же исчезло с лица Рика, точно его стерли, а губы растянулись в бескровной ухмылке.

– Знаешь, Джейн, если ты раскопаешь что-то, то станешь очень важным свидетелем. Тебя обязательно вызовут в суд и, если что-то скроешь, предъявят обвинения в препятствии правосудию.

– Спасибо за предупреждение. И за коктейль. – Я уже повернулась к выходу, но остановилась, услышав:

– Твой друг ходит по очень тонкому льду.

– Давайте проясним. Я едва знаю Эвана Рочестера.

– А я не про него. Я про твоего настоящего друга, Отиса Фэрфакса.

Меня кольнуло дурное предчувствие.

– Что он сделал?

– Солгал полиции. О том, где был той ночью. Его могут посадить – мне будет так жаль, Джейн. И мне бы ужасно не хотелось, чтобы то же самое случилось с тобой. – Он издевательски поднял бокал, прощаясь.

До «Ауди» я дошла так быстро, как только смогла. Открыв бардачок, откинула в сторону помаду и вытащила стопку документов. Две толстые книжечки и сложенный файл – соглашение на аренду «Ауди S5» от «Ауди Монтерей». Арендатор – Эвандер Эдвард Рочестер.

Рик солгал о том, что Беатрис ее купила, а Эван сказал правду.

Очевидно, нельзя было верить ничему, что говорил Рик Мак-Адамс, – включая то, что у Отиса могут быть проблемы с полицией. Это все блеф. Отис даже не был в Торн Блаффсе, когда Беатрис исчезла.

Или был? Я попыталась вспомнить, что же конкретно он сказал: «Я сто лет как ушел оттуда». А зная Отиса, «сто лет» могут быть как неделями, так и десятилетиями.

Я набрала его номер. Ну же, возьми трубку, возьми...

– Да? – На заднем фоне был слышен шум машины. Он ехал в своем стареньком «Приусе».

– Это был ее брат! – воскликнула я. – Тот, кто меня преследовал!

– А? Чей брат?

– Беатрис. Ну помнишь, я рассказывала, что меня преследует синий «Рэндж-Ровер» с женщиной за рулем? Так это была не женщина. Это был брат Беатрис, Ричард Мак-Адамс.

– Ого, погоди! Как ты узнала?

– Потому что он снова ехал за мной и я только что пила с ним коктейль.

– Ого, – повторил он.

– Ты в своей машине? Куда едешь?

– В Сан-Франциско на ночь. Так что этот Мак-Адамс сказал?

– Он считает, что Эван убил его сестру. Говорит, Эван бил ее, а потом сказал, что она упала с лестницы. А потом он запер Беатрис в лечебнице против ее воли и представил все так, будто у нее суицидальные наклонности, чтобы получить алиби.

– Все чушь. Этот парень скажет что угодно, лишь бы заполучить долю Беатрис. И, слушай, Эвану ничего не говори. Он его ненавидит, а тут может сорваться.

– И что сделать?

– Не хочу даже представлять. Просто не говори ему.

Я помедлила.

– Отис... а полиция допрашивала тебя о произошедшем?

– Меня? Эм... да. Один раз, их было двое, мужчина и женщина. Они спрашивали, что мне известно, где я был и все такое.

Сердце сжалось.

– Я думала, ты тогда еще жил в Окленде.

– Нет, я уже приехал в Торн Блаффс. Ну, то есть, когда Беатрис утонула, меня здесь не было, так что у них нет права меня доставать.

– С твоих слов я поняла, что вы никогда не встречались.

– Я так никогда не говорил. Ну, то есть я действительно ее не знал. Она почти все время была наверху или в Морской комнате, за ней наблюдала Аннунциата. Иногда она выходила и бродила по дому, но всегда была под таблетками, и Аннунциата быстро отводила ее в комнату.

Рик Мак-Адамс так и сказал: «Та парочка, Сандовалы, были вроде надсмотрщиков».

– И ты мог бы подтвердить, что ее держали взаперти, отрезанной от мира?

– Эм... не знаю. Она же совсем сбрендила, была способна на что угодно.

– А потом, после того как она утонула, когда Эван уже жил в доме в Сан-Франциско, ты жил здесь без него?

– Нет, я поехал с ним. Шикарный дом. Жаль, что пришлось сдать его в аренду.

Я вздохнула.

– Отис, скажи, есть ли что-то, о чем ты не рассказал детективам? Я имею в виду, о чем специально умолчал?

Секунда тишины. Сердце сжалось сильнее.

– Нет. Я был в том ресторанчике в СоМа, «Альосо», как я им и сообщил. Но там была такая толпа, что, наверное, поэтому меня там никто не вспомнил. Ну и, возможно, я пробыл там не так долго, как сказал.

Черт, черт, черт!

– Пытаешься выкрутиться?

– Да нет же! Там была девушка, у нее квартира в районе церкви, так что я поехал туда, но потом не мог вспомнить ни имени, ни точного адреса, так что просто не упоминал о ней. Богом клянусь, так все и было.

Каким же богом клялся Отис? Явно не ярым приверженцем правды.

– Я все тебе рассказал.

– Да, ну ладно. – Так я и поверила.

Что же еще он скрыл? Свою роль в том деле? Что-то про Беатрис?

Беатрис

Торн Блаффс, 17 декабря

Позднее утро

Теперь я в джакузи, с бурлящей и пенящейся водой у груди. От высокой температуры кровь бежит быстрее – поможет, когда я пушу в дело нож.

Делаю глубокий вдох, наполняя легкие до самой последней клеточки, а затем соскальзываю со скамейки на дно, погружаясь все глубже, пока не оказываюсь под водой целиком. Струи воды бьют по телу, солнечный свет странно преломляется в пузырьках, напоминая морской грот, как тот, куда меня привел мой тюремщик.

Тогда, на острове Барбадос.

Да, помню. Я была там на фотосессии в купальниках для Sports Illustrated. Но на обложку взяли не меня.

– Прости, крошка, – мурлыкала Фиона из агентства. – В этом году ты просто одна из стаи. Сейчас им нужно разнообразие, никаких блондинок на обложке.

Они нарядили меня в белый цельный купальник с вырезами, точно снежный пазл с отсутствующими деталями, и я позировала на золотистом песке.

– Ну-ка, изогни спинку. Сильнее. А теперь, дорогая, покажи ярость. Да, вот так. Оскалься, рычи, Беатрис. Прекрасная, самая прекрасная девочка в мире.

А потом я вновь оказалась в отеле, снаружи, под большими развевающимися парусами у кострища, и тогда приехал он. Появился с этим его немигающим взглядом, и все девочки вокруг тут же зачирикали. Точно птенцы с открытыми клювиками.

Почему они так расщебетались? Его нельзя назвать красивым. Вот его тело – да. Он был котом, как и я, двигался незаметно, точно носил оружие у бедра... но его лицо красивым не назовешь.

Тайком я сделала снимок и отправила его Рикки. Он написал в ответ: «Игрок из Силиконовой долины. Играет по-крупному, выигрывает и проигрывает. Слишком рискованно, Би Джи».

Но я не могла отвести от него глаз. А когда увидела, как он смотрит на меня, подошла. Они покрыли мое тело золотистой пудрой, волосы у меня отливали серебром, а глаза были в цвет морской волны. Я видела, что он меня хочет, и я тоже хотела его.

На следующий день он повез меня в морской грот.

– Барбадос славится ими, Беатрис, – сказал он тогда. – Они просто фантастические. Будто можно гулять под волнами. Я знаю один такой, куда туристам не добраться, – там у друга частный пляж. Хочешь со мной?

Я поехала с ним в морской грот, и мы спустились глубоко вниз – там было просто волшебю. Откуда-то издалека проникал солнечный свет, и казалось, будто ты в церкви, в таком туманном свете, среди изогнутых, бугристых колонн, растущих сверху и снизу. Они выглядели точно статуи святых.

Я хотела увидеть всех святых и заходила все дальше и дальше в грот, пока не спустилась в коридор, где было темно, как ночью. Я очень испугалась, оказавшись одна в темноте, и громко закричала – и услышала в ответ, как он зовет меня по имени. А потом он оказался рядом.

– Возьми меня за руку, Беатрис, – сказал он. – Держись за меня. – Крепко сжав мою ладонь, он вывел меня из темноты обратно под светлые своды, к далекому свету и святым, висящим вниз головой.

Тогда ты его любила, – раздался голос юной девушки, той, что звали Бити Джун. – Когда он спас тебя, ты его полюбила.

Да, я помню. А потом он отвез меня обратно в отель с развевающимися парусами. Зайдя внутрь, я оставила дверь открытой для него. Кровать в комнате была укрыта поблескивающим сетчатым пологом от москитов, хотя в таком люксовом отеле их не было. Но когда я легла на кровать, мерцающая ткань окутала меня, точно свадебное платье на подиуме.

Мужчины все одинаковые. Оказавшись сверху, они не могут войти быстро, я изгибаюсь дугой, и они стонут, точно океан, волнами накатывающий на берег.

Но этот был не таким, как другие. Он был нежным и добрым.

– Ты перепугалась. – Он мягко поцеловал меня в лоб и вышел.

Он посадил тебя в подземелье, – раздается в голове громкий голос Марии. – Теперь он хочет, чтобы ты исчезла навсегда. Ты же слышала, что он вчера сказал.

Легкие начинают гореть, но я все равно остаюсь под водой. Солнечные лучи танцуют над головой. Надо вынырнуть. Но вместо этого я вспоминаю Барбадос.

Глава восьмая

Когда я вернулась в Торн Блаффс, воздух будто бы серебрился. Перед особняком осталось всего несколько машин: вагон электрика и старый коричневый пикап.

В коттедже меня ждал неприятный сюрприз: кровать, которую я утром оставила развошенной после сна, была заправлена, покрывало натянуто по-военному туго. Посуды в раковине тоже не наблюдалось, а каждая поверхность сверкала. Аннунциата явно побывала здесь со своими чистящими средствами. Я тут же представила, как эта строгая женщина с суровым выражением лица моет мою кофейную чашку и расправляет простыни, думая при этом... о чем?

В воздухе витал церковный запах, исходивший от зажженной у кровати свечи в стеклянной баночке – церковной, с изображением Мадонны на облаке, как на кладбище. Я ее задула.

И журналы мод, которые я кучей свалила у кровати, тоже пропали. Просто в процессе уборки? Или чтобы я не стала читать внимательнее?

По дороге я зашла в небольшой магазинчик на улице с очаровательным названием «Казанова» и купила продуктов: сэндвичи с индейкой и швейцарским сыром, контейнеры со всякими салатами, яблоки и персики, бутылку аргентинского «Мальбека» из корзины с уценкой. Запахнув в мини-холодильник все, кроме вина, я открыла бутылку и поискала бокал.

Плохая идея: на часах всего четыре тридцать, а я и так выпила половину крепкого мохито.

Вместо этого я пошла к компьютеру и начала проверять рассказ Рика Мак-Адамса. Прошлым летом в самом деле было землетрясение, 5,3 по шкале Рихтера, в Калифорнии под Ливермором, и оно вызвало серьезные разрушения нескольких предприятий, в том числе и биотехнологической компании Эвана, «Дженовэйшн Технолоджис». В статье «Блумберга» подтверждалось, что несколько месяцев спустя Эван организовал сбор средств: ему требовалось 350 миллионов долларов.

«За это можно убить», – прозвучал в голове неприятный шепот Рика Мак-Адамса.

Потом на сайте желтой прессы я нашла заметку от 26 апреля прошлого года: «Супермодель Беатрис Мак-Адамс попала в больницу в результате несчастного случая в своем роскошном поместье в Биг-Суре».

Несчастный случай. Никаких намеков на попытку суицида или преступления. Как же узнать наверняка?

Я представила, как Эван Рочестер сидит в своем новом офисе, и задумалась, больно ли ему до чертиков до сих пор. Мне вспомнилось, как его рука сжала мою и меня пронзил электрический разряд. Похожий на тот, что я почувствовала, когда наблюдала за ним, таким воодушевленным, рассказывающим о своей новой технологии, которая изменит мир. Каким оживленным сделалось его лицо тогда.

«Социопат», – раздался в голове скользкий соблазнительный голос Рика. Неожиданно снова начала сказываться тяжесть смены часовых поясов, меня накрыло одиночество, как в ночь приезда. Свернувшись на заправленной постели, я провалилась в сон.

Проспав несколько часов, я наконец встала и вышла на террасу, и в голове немного прояснилось. Еще было светло, но уже напал туман, и океан с утесами терялся, скрытый призрачной вуалью. Средневековая башня, необычный кабинет Джаспера Маллоя, в тумане выглядела еще романтичнее. «Под запретом», – предупредил меня Отис. Никому не разрешается заходить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.